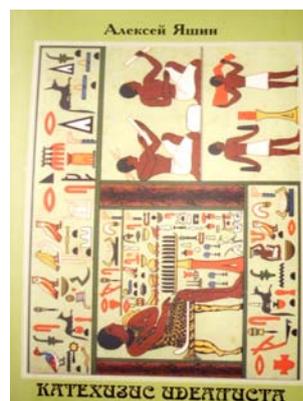

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин
(г. Тула)

КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА: РОМАН-РАЗМЫШЛЕНИЕ*

БОЛЬШЕВИКИ И КОММУНИСТЫ; СТАРАЯ ГВАРДИЯ И ВЫДВИЖЕНЦЫ; НЕ БОЙТЕСЬ КРЕМЛЯ, БОЙТЕСЬ МЕНЯ

Скорее всего последним для меня, а значит, и для задуманного во многих тайных размышлениях процесса подчинения партии Советам. Кстати, если каким-то чудом, божьим провидением этот процесс все же свершится, то терминологически верным будет самоназвание «большевики» оставить для анналов истории партии и революции и вернуться к марксовскому «коммунисту». Казалось бы — пустяк и несущественно, но в серьезных делах пустяков не бывает.

...Въедлив ты, Коба, на восьмом десятке лет! А въедливых всегда на филологические упражнения тянет. То на Марра в «Марксизме и языкознании» набросился, хотя, конечно, нехрена ему лакействовать: дескать, все языки с Кавказа пошли! Хорошо хоть не прямо из Гори и Тифлиса... Яффетист, твою за ногу!

Ну, с яффетической теорией разобрались, а к чему это большевики с коммунистами в их противопоставлении в голове бессонной засели? Не дай. Бог, раньше времени что-нибудь на этот предметбрякнуть — агитпроп такого наворочает!

И все же — что я так привязался к нашим славным большевикам и Марксовым коммунистам? Исключая, конечно, терминологическую условность большевистского самоназвания. Ну, было дело, оказались мы в составе *РСДРП* в большинстве в запале фракционных баталий, поддержали Ильича и что? А то, что это самоназвание в определенном смысле поглотило коммунистическую сущность нашей партии. На определенном этапе это себя оправдывало, тем более, что наименование *ВКП(б)* все же подчеркивало первенственность коммунизма. В народном же обиходе по сравнению с иностранным словом «коммунизм» куда более понятные «большаки» воспринимались однозначно: большие, большинство, словом, хорошо понятная роль большака в крестьянской семье в три поколения.

Таким образом, длительное время в нашей советской истории превалировало большевистское самоназвание партии. Но после намечаемого отлучения партии от

* Окончание, начало в № 1, 2017 «ПЗ». Полный текст романа см. на сайте «ПЗ» www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори». Стихотворения юного Джугашвили в романе в переводе Владимира Резцова.

администрирования все же доминирующим должно стать коммунистическое самоназвание.

И все же дело, конечно, не в терминологии, ибо большевик есть большевик, а коммунист, соответственно, коммунист. Дело здесь в другом, качественного порядка. Большевики — это сугубые практики революции и начального периода построения социализма в нашей стране. Это суровые бойцы, великолепные организаторы государственного строительства. Коммунисты же — это номинально члены коммунистической партии, люди различных профессий, занятий, интересов, которых объединяет в партии признание ими коммунистической идеи. И не только признание, но и добровольное следование уставу партии, который предполагает активное участие членов партии в построении нового, социально ориентированного общества, государства.

Казалось бы, различие чисто формальное, словесное. Но нет. С отлучением партии от администрирования большевики уступят место коммунистам. Туманно, конечно, сам себе излагаю, но что требовать от пожилого человека, хворого и пытающегося все разложить по полочкам в глухой ночной час? Вот так-то.

С расщеплением членов партии на большевиков и коммунистов каким-то боком соприкасаются и различия между старой гвардией и выдвиженцами. Крайне условно старая, ленинская гвардия партии — это те, кто готовил, начиная с конца прошлого века, Октябрьскую революцию (революцию девятисот пятого года делали эсеры), активно участвовал в Гражданской войне, отстаивал интересы партии и страны в фракционной борьбе двадцатых годов, разгромил тогда же троцкизм. Далее интересы ленинской гвардии, особенно в первую половину тридцатых годов, переместились в управление государством, партией, армией.

На смену им в конце двадцатых — начале тридцатых годов в качестве практических работников партии и государства в низовом и среднем звеньях пришли выдвиженцы, как правило, молодые, достаточно образованные рабочие, специалисты промышленности, науки, армии, не участвовавшие по малолетству в революции и Гражданской войне.

Говоря бытовым языком, на рубеже двадцатых-тридцатых годов произошла смена партийных поколений. Выдвиженцы же приняли на себя все хлопоты и тяжести индустриализации и коллективизации. Именно они под общим руководством старой гвардии и создали в тридцатых годах социалистическую державу СССР. Они же вынесли на себе все тяготы Отечественной войны и послевоенного восстановления страны.

И здесь как в обычной двухпоколенной семье. Старшее поколение с высоты своего жизненного опыта снисходительно посматривает на молодую, но уже набирающую силы поросль, иногда ворчит и брюзжит, но хорошо понимает: это их смена, продолжатели их рода и дел. А молодые несколько по-иному смотрят на сущность этих дел, порой выкобениваются, порой самонадеянны. Типичная семья, тургеневские отцы и дети. Здесь главное, чтобы между этими двумя поколениями не разорвалась цепь продолжения рода. Прежде всего по характеру и духу.

А вот сейчас, в начале пятидесятых, в партию приходит уже третье поколение, послевоенные выдвиженцы, но уже по преимуществу рано повзрослевшие на войне. Все как в семье, причем в семье от поколения к поколению повышающей свой умственный и духовный уровень. Если старая гвардия редко могла похвастаться высшим образованием, полученным в молодые годы, а потом нагоняла это в двадцатые-тридцатые годы на различных курсах ускоренного типа, то выдвиженцы периода индустриализации уже имели школьное образование, учились на рабфаках и в институтах. Нынешние же выдвиженцы все сплошь образованные. Так и должно было быть: с фронтов в институты и университеты.

Старая гвардия — большевики, а выдвиженцы уже более коммунисты. Поэтому при отодвигании партии от административной и иной реальной власти мы должны ориентироваться на выдвиженцев, особенно их второе поколение.

...Большевики, коммунисты, старая ленинская гвардия, два поколения выдвиженцев — тридцать пять лет советской власти, а уже такая разветвленная история! И все эти ветви в партии пересекаются, дробятся, переходят друг в друга, где-то конфликтуют, порой даже враждуют. Все как в большой семье с ее предсказуемыми и непредсказуемыми коллизиями: радостями и скорбями, ссорами и примирениями.

Не обходится и без общих бед. Как в ежовскую мясорубку, когда под расстрельными дулами и на лагерных нарах оказались представители старой гвардии и выдвиженцы первого поколения. Когда Лаврентий разбирает эти авгиевы конюшни бывшего слесаря и возвращал из лагерей почти четыре сотни тысяч, то точно также возвращались к прежней жизни ветераны революции и молодая поросль партии.

Именно с ежовского безумия, никак не с процессов середины тридцатых годов, по причине массовости безвинно осужденных началась и боязнь Кремля. Но не надо бояться Кремля — бойтесь уж лучше меня, если без страха нельзя жить и работать по совести.

Страх почему-то полагается постыдным чувством человека. Поэтому страх в восприятии большинства людей сродни трусости, предательству, лизоблюдству и далее вплоть до предательства. А антитезы страху — бесстрашие, героизм, самопожертвование и так далее — наиболее уважаемые качества человека. Гордый и бесстрашный человек джигит! Лучшей похвалы на Кавказе нет.

Но не надо поддаваться эмоциям и прислушиваться к так воспеваемому агитпропом любых времен и стран «голосу народа — голосу божьему». «*Vox populi — vox dei*», — как латинизировал, посмеиваясь, семинарский отец Ираклий.

А вот умнейший академик Орбели и невропатолог профессор Коновалов из «кремлевки», что иногда пробует лечить мою усыхающую руку, те прямо говорят: страх есть самое естественное, биологическое качество человека. Не только человека, но любой живой твари. И у животных, у которых есть мозги что-то думающие, то есть, у млекопитающих, и вовсе интересно. Чем старше такое животное, тем оно боязливее, трусливее. Вот это-то и есть биологическое. Животное должно прожить все те годы, которые его породе отпустила природа. Собаке — не более полутора десятков, кошке с котом до двадцати и даже чуть более. А вот гусю аж все сорок! Усмехнулся. Вспомнил из детства соседку Нино, старуху-бобылку, что держала гусей (пруд за ее хибарой) и торговала на базаре крупными гусиными яйцами. Их охотно покупали хозяйки и господские кухарки. К пасхе и мама их покупала. Говорила, что из гусиных и утиных яиц лучшее сдобное тесто получается.

А вот человеку, как тот же Коновалов говорил, как биологическому виду отведено всего-навсего тридцать пять лет. Меньше, чем тому же, из детства, гусаку Гиго, возглавлявшему соседкину стаю. Нино говорила: уже на четвертом десятке Гиго. Кстати, столько же отпущено и нашим родственникам-обезьянам. А то, что мы все-таки пребываем в этом мире в два, а у нас на Кавказе и в три раза дольше, как и у непьющих-некурящих староверов в России, так это, как умничает Коновалов: «Достижение цивилизации, культуры и даже медицины».

...Так о чем это я по-старчески заболтался сам с собой? Да-да, о страхе, присущем всякому живому. Не надо бояться своего страха. Он есть осторожность, которая оберегает. Но одно у собаки, кошки, барана или слона, другое — у человека. Здесь Энгельсу с Орбели все карты в руки. Здесь в части страха уже не многомудрая биологическая наука марку держит, но социальная природа человека. Ему жить намного сложнее, за человека не природа или хозяин собаки думает, а он сам. Или человек же

хозяин. Так же и он, Вождь, должен думать почти за две сотни миллионов сограждан, а с недавних времен и вообще за половину мира.

Страх, как внешнее проявление осторожности, неотъемлемая черта человека как члена общества, государства. Безумство храбрых, как писал поэт, уместно на войне. В обыденной же жизни это ведет к анархии и питает контрреволюцию. Поэтому, когда говорят, что товарищ Сталин всем советским людям — страх, то нужно понимать: товарищ Сталин постоянно поддерживает у жителей СССР чувство осторожности. Осторожности за себя и за страну. Именно так и надо понимать.

Без осторожности никак нельзя. Главное, неосторожный человек, потерявший чувство страха, выпадает из коллектива, даже из своей семьи. А раз так, то он уже не может быть активным строителем нашего советского государства. Вот в чем необходима чувствительность осторожности. То есть, страха в обыденном понимании.

Разве наше руководство, партия, я, наконец, что-либо новое здесь придумали? Вовсе не так. Народ наш в своей истории всегда кого-либо и чего-либо боялся, испытывал страх. Боялись гнева князей и царей, опасались стрельцов, опричников, жандармов, квартальных надзирателей. Опасались гнева придуманного бога на небеси, неурожайного голода, морового поветрия, войны с турками или поляками. И это чувство страха-осторожности позволяло существовать и развиваться русскому государству — от Киевской Руси, средней по размеру европейской страны, до 1/6 части земной суши. А даже и поболее в середине прошлого века с учетом Польши, Финляндии и Аляски с Калифорнией.

И любая власть — советская здесь пока не может быть исключением — прекрасно знает о необходимости и определенной полезности страха-осторожности как для государства, так и для самого народа. Либерализм, социальность, деспотизм здесь ни при чем. Такова сущность института государственности. И сам Платон для своего идеального государства не исключал страх. Даже безудержные фантасты-утописты: Мор, Кампанелла, Кабэ и вся их мечтательная компания. Возможно, роль страха отойдет на вторые-третьи-четвертые позиции в развитом коммунистическом обществе. Хотя бы потому, что идея государства отомрет. Но и тогда он не исчезнет вовсе, а просто переродится в иную, более гуманную форму осторожности. Опасение не совершить вольно или невольно моральный, этический проступок, не отвечающий канонам социального государства. Чувство вины за проявление биологического инстинкта эгоизма или эгоцентризма. Опять же разочарование, что не успел в активную пору своей жизни полностью реализовать отпущенные природой дарования. В общем, что-то в этом роде.

...Но уже в наше, далекое от идеалов время большинство государств, как капиталистических, так и в нашем соцлагере, отказались от практики предшествующих эпох: нарочито внушать страх своим подданным в интересах самого государства. Тем более в интересах своих, власть предержащих. Все-таки земная жизнь неумолимо совершенствуется. Цивилизуется, как любил повторять троцкист Бухарин.

В столь еще короткой истории Советской страны по необходимости санкционированное устрашение использовали Ильич с Иудушкой в красном терроре. А вот кровавая баня и массовые аресты, учиненные психом Ежовым, да отчасти до него и Ягодой, не говоря уже о спектаклях последних лет — от вымученного «ленинградского дела» до тлеющего «дела врачей» — это уже не санкционированный страх. Это сочетание необходимости, рьяности и необходимой чистки партии, но средствами, явно избыточными. Где и меня испачкали во всем, в чем можно.

Потому народ наш в массе своей страхом не пропитался. Просто стал осторожнее. Особенно в тридцатых годах, понимая: большая война, к сожалению, неизбежна, и осторожность во всем — это помощь своему государству в подготовке обороны.

Мы все сделали, чтобы троцкистская присказка о боязни советского народа перед Кремлем не состоялась. Ибо здесь был ясно читаемый подтекст: бояться Кремля — бояться своего же государства. Кремль не мог быть источником страха, ибо государство наше прежде всего ориентируется на доверие, преданность и приязнь масс. И они это прекрасно понимают и чувствуют. Массы не обманешь, но и они нас не пытались, не пытаются нас обмануть.

Не бойтесь Кремля, бойтесь уж меня — кому следует бояться. К величайшему сожалению, наше государство еще не столь совершенно, чтобы можно было обойтись без страха. Гегелевская диалектика права во всех своих ипостасях. И в том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба обостряется. В том смысле, что нарождались и сейчас рождается антисоциальный элемент. А его разрастанию до недопустимого числа противостоит именно страх. Так пусть бояться меня, хозяина страны. Я не Иисус Христос, который взял на себя и искупил своей мученической смертью все грехи несовершенного мира, но все равно на меня со временем повесят все несовершенства и неровности построения советского государства. Пусть я буду до полноты картины и источником страха.

Со временем, но только более дальнем, ветер истории сметет мусор с моей могилы. А поумневшие к тому времени люди разберутся что к чему. И в части страха. Главное, чтобы — от обратного, как говорили математики-вычислители в той давней, юношеской обсерватории — чувство страха перед молчащими массами не овладело стареющими нашими руководителями. Опять же стареющее животное становится боязливым, что превышает принятую норму осторожности. Пусть лучше и они меня побаиваются. Даже те же Берия, Молотов, Каганович и наш двадцать седьмой бакинский комиссар.

Вот еще одна докука: заботиться, словно нянька, о степени боязливости старых и новых соратников по партии и государственному строительству...

КИРОВ, ЖДАНОВ, БЕРИЯ И ДРУГИЕ СОРАТНИКИ. УГОДНИКИ, ДОНОСЧИКИ, РАССТРЕЛЬЩИКИ И ПРОСТО ДУРАКИ — ВСЕ СПИШУТ НА МЕНЯ

Соратники... Самые верные из них, Киров и Жданов, ушли из жизни в самом активном для работы возрасте. Одного почти ритуально убили, второго, скорее всего, тоже уморили. Киров был воплощением энергии, жизнелюб и умница. Жданов же замечательно сочетал в себе потомственную интеллигентность и завидные качества государственника. Конечно, разве наши внутренние и внешние враги-троцкисты могли допустить, чтобы партия имела крепкий тыл в Ленинграде в лице того и другого? Разве могли они позволить мне на кого-то с полным доверием опираться ошуюю и одесную? Не могли. И не позволили.

Да еще меня к убийству Мироныча подло притянули. Дескать, заопасался после того знаменитого голосования Сталин потерять свой пост, вот и убрал Кирова с этого света. Да еще и спектакль устроил с приездом в Ленинград тотчас после сообщения в Кремль о выстреле в Смольном, с битьем по лицу уже на перроне Московского вокзала ленинградского обер-чекиста Медведя... Подлецы и клеветники, обо всем и обо всех по себе судят! Прекрасно ведь известно, что безо всякого лицемерия я четыре раза просил ЦК и Политбюро дать мне отставку с высшего поста. И Киров никогда этого поста себе не желал. А выборы те? — Они, троцкисты, со свечкой, что ли, стояли в комнате счетной комиссии? Дескать, не важно как голосуют, важно как считают. Да, Мироныч был вторым по числу голосов, но — вторым. Без всяких спектаклей. А стал бы первым, так сразу после оглашения результатов взял бы самоотвод. Не

из какого-то страха перед «мстительным Сталиным», но просто по характеру своему, да еще в такое тревожное, неустойчивое время, он привык быть вторым, ведомым. Кстати, Васька как-то рассказывал, что в войну, в авиации в боевых «двойках» истребителей ведущего и ведомого назначали не по званиям и наградам, а по характерам. Был характер ведущего и характер ведомого. Безо всяких обид. А характеры эти вычислялись после первых же схваток в воздухе.

Ведущий — это воплощенная воля и врожденная интуиция в выборе мгновенно изменяющихся позиций боя. Ведомый — бесстрашная основательность, сочетание холодного расчета и осторожности — в стремлении защитить с тыла своего ведущего. И опытные комэски, матерые комполка, получившие боевое крещение еще за Пиренеями, это прекрасно понимали.

Так и у нас с Кировым была такая «двойка». Но воспрывшие духом подпольные троцкисты тогда решили дать «последний и решительный», мобилизовали все и всех. Дескать, главное — сбросить Сталина, а того же Кирова мы скоренько в бараний рог согнем. Но просчитались. Партия оставила меня. И Мироныч не захотел стать их марioneerкой, тельцом для закланья. Нет худа без добра — то голосование позволило выявить затаившихся троцкистов. За что и второй свой провокационный тезис обналичили: съезд расстрелянных. Опять же не на обезумевшего Ежова, а на меня списали.

Ленинград... Бывшая вотчина Зиновьева. Именно он создал там троцкистское ядро. И как только Киров, а потом Жданов подбирались к нему, так их убивали: из револьвера, больничной инсценировкой. Истинная, глубинная политика так отличается от ее внешней, вроде бы хорошо объясняемой стороны, как причина землетрясения от вида разрушенных домов и беженцев с котомками.

Вот эта внешняя сторона большой политики, ничего общего не имеющая с истинной картиной событий, но чаще всего извращенная по некоей команде «кру-угом», целенаправленна, прежде всего, на вечно крепкую задним умом интеллигенцию. История ее ничему не учит. Зато партайгеноссе Геббельс изобрел хороший способ ее обучения: ложь, повторенная много раз, становится правдой. Сходно действовал и Иудушка.

Ленинград... Что же с тобой содеяли Троцкий и Зиновьев? Сделали заложником амбиций этих политиков-антисоветчиков, не мыслящих свою жизнь в целенаправленном, общепольном своей (своей?) родине труде, но только в вечном раздрае и сумятице. Только здесь они, как рыба в воде.

Лаврентий. Мингрелец. Почти земляк. Верноподданнейший автор — сказочник моей ранней политической биографии.* Да и не автор он никакой; какого-то профессора подрядил. Может, потом и расстрелял или на Колыму безвыездно отправил. И издатели книги лицом в грязь не ударили: бумага веленевая «слоновая кость», за двадцать штук иллюстраций, проложенных калькой, обложку только, наверное, Иван Поддубный мог бы согнуть... А на обложке — рельефное тиснение: молодой Коба с развевающимся знаменем в руках ведет в наступление на царизм-самодержавие закавказцев. Целых шесть революционеров. По лицам четко видно: имеретинец с винтовкой, мингрелец с маузером или револьвером — не разобрать. Армянин и бакинцы без оружия. И здесь тонкие политики-издатели, оформляя книгу, держали в головах, что, раздай им оружие, так и дашнаки с муссаватистами им воспользуются!

...Но и такая книга была нужна в интересах государства для создания образа идеального Вождя. Лаврентий же всю жизнь держал и держит нос по ветру. Впрочем, в качестве ведомого товарищем Сталиным. Место Мироныча он, разумеется, не занял.

* Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье (Доклад на собрании Тбилисского партактива 21—22 июня 1935 г.).— М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.— 181 с.— Прим. авт. (Это 3-е издание, что «под рукой» у автора).

Характер не тот, методы не те, нет той широты взглядов, интересов и мышления. Берия — не ведомый, а разведчик фронтовой авиации, включая разведку боем. Поэтому ему смело поручались наиболее ответственные дела. Разведчиком он был в предреволюционном Закавказье. Даже сумел внедриться в жандармскую охранку, чем спас от тюрьмы многих товарищей по борьбе. И по этой части дождался «благодарности» от троцкистов: дескать, был Лаврентий жандармско-полицейским агентом в революционном движении... Чему уж тут удивляться, если где-то в эмигрантской прессе тридцатых годов (сейчас нельзя и у них, не поймут после войны) какой-то писака, то ли из троцкистов, а может, из прямых контриков, пропечатал, что и я был агентом охранки: ночью, мол, с Камо экспроприировал тифлиссские банки, а днем писал отчеты в жандармское управление. Ни много, ни мало!

Второе большое, опять же конкретное дело, Берия делал в двадцатых годах: из полувраждующих грузин, армян и азербайджанцев, закавказских татар и горских евреев, турок-месхетинцев, мингрелов создал *ЗСФСР*. Унял националистические страсти, прижал к ногтю тифлиссских меньшевиков, дашнаков и муссаватистов. Тем самым унял перманентную, как любил ораторствовать Иудушка, закавказскую драчку, с помощью одиннадцатой армии усмирил собственно Кавказ и, как исправный завхоз, «сдал» Кавказ и *ЗСФСР* из рук в руки образовавшемуся *СССР*. А сам перебрался в Москву расти в чинах и званиях.

Подоспел он вовремя — надо чистить авгиевы конюшни ежовщины. С чем Лаврентий блестяще справился: вернул из лагерей и тюрем почти четыреста тысяч человек, в основном столь нужных в предвоенные и военные годы специалистов для промышленности, науки и армии. А Лубянку-конюшню вымел метлой от зажавшихся на непьюльной работенке жеребцов-расстрельщиков и фабрикаторов конвейера липовых дел. Заодно и наказал наиболее рьяных принятым тогда способом... Мягче нельзя, не то время. Увы. С расстрельщиками их же приемами.

Справился Берия с многотрудными обязанностями в войну, а когда начали освобождать ранее оккупированную советскую территорию, особенно в западных областях и на Кавказе, то двадцать конных полков *НКВД* навели там порядок.

Но главная заслуга Лаврентия — это, конечно, атомный проект.* И сейчас он на своем месте: суров, но, в общем-то, справедлив. Конечно, настолько вжился в роль разведчика-первопроходца, в ореол грозы, которой не столько детей пугают, но в основном взрослых, что уже, как говорится, положение обязывает.

Жаль, но если меня уберут все же, или естественной смертью умру, то и Лаврентий не надолго меня переживет. Один он останется против стаи карьеристов и наполеончиков, вынужденных пока раболепствовать. Растерзают. Особенно, если тот поспешит занять освободившееся в Кремле место. Ведь ему тоже не терпится, да? А Маланья-Маленков, Хрущев, Булганин... или кто там еще на мое место претендует, Лаврентия люто ненавидят. Ненавидят и боятся, на время даже объединятся против него. Жаль мне его в будущем.

А другие, нынешние соратники? Ворошилов и Буденный? — Ну, с ними все ясно; живые памятники революционной эпохи, героической молодости Страны Советов. Наглядное пособие для агитпропа. Оставим их в заслуженном за неколебимую верность покое.

Молотов, Каганович, Булганин — фигуры соратников второго плана. Каждый со своей определяющей характеристикой. Первый — уменьшенная копия Талейрана или Мазарини. Главный еврей Советского Союза — архинадежен, прямолинеен, вне партии свою жизнь не мыслит. Даже когда порой и взбрыкивает. Я, мол, вам не ев-

* По рассказам очевидцев, до сих пор в Арзамасе-16 (Сарове) уже третье поколение атомщиков вспоминает о Берии похвально. А вот о «диссидентском страдальце» и академике — не очень. — Прим. авт.

рейский общественный деятель, а член Политбюро! Что-то в таком роде сказанул, когда его попросили подписать какое-то обращение Советского антисионистского комитета — очередной забавы агитпропа. А так — в конкретных делах сверхисполнителен. Вовсе не зря народ говорит, что по прибытию поездов часы сверяли — это когда Лазарь железными дорогами командовал.

А Булганин со своей троцкистской бородачкой просто веселый человек. Но стрезву сообразителен. Как всякий пьющий с человеческим же грехом невольно всегда чувствует себя в чем-то виноватым. Постоянное же желание такого человека — трудом, исполнительностью и даже излишней преданностью искупить этот, впрочем, простительный, грех. Словом: чует кошка чье мясо съела. Пусть себе щеголяет в маршальском мундире!

Особняком стоит Жуков. Но его надобно держать на коротком поводке. Георгий Константинович на своем месте на войне, то есть, умен, решителен и вполне самостоятелен, хотя слишком размахист, не экономен в солдатах. Но в мирное время чувствует себя не совсем уверенно. Это все объяснимо: военная косточка! А раз так, то им вполне могут воспользоваться, как проходной... ну-у, не пешкой, конечно, а слоном или даже ферзем, для удовлетворения своих амбиций намного более хитрые и ловкие в интригах большой политики. Тем более, что Жуков по своему характеру — не Наполеон. Того ведь тоже конвент хотел использовать этаким «рабочим полководцем». К их огорчению корсиканец оказался слишком умен и после взятия Тулона, покорения Северной Италии и похода к пирамидам («Солдаты! На вас смотрят сорок веков!») разогнал конвент и стал императором Французской республики.

Но Жуков — не Наполеон. Он — современный Суворов, который постоянно и всем жаловался: я в войнах ставлю на престол или снимаю королей и императоров, а в своей стране в мирное время не вылезает из опал. Что ж, такова обычная участь русских полководцев: воины великолепные, но политики в своей стране почти никакие.

Мало, мало у меня соратников, зато вся страна, что в руководящих креслах, ох как богата на угодников, доносчиков, расстрельщиков и просто дураков. И все их делишки, конечно, спишут на меня.

ИСТОРИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО XX ВЕКА — МИФ О ГУЛАГ'е; МЕНЯ НАРЕКУТ КРОВОПИВЦЕМ — МУСОР НА МОЕЙ МОГИЛЕ

...Спишут на меня, если мои преемники станут делать свой политический гешефт наметанием мусора на мою могилу. Так поступают люди, дорвавшиеся до власти, но не имеющие за душой и в голове качеств создателя. Вообще все власть имущие делятся — за исключением совсем серых личностей — на два типа: создатели нового и критиканы прошедшего. Или, как кто-то из наших авиаконструкторов еще на совещании с ними в тридцатые годы сказал: «В промышленности все инженеры подразделяются на две категории: изобретатели и критики изобретений из отдела технического контроля». Кажется, Яковлев и сказал. А я ответил в том смысле, что такое положение вещей, вообще говоря, совершенно правильное. И не только в промышленности, но и в политике. Главное, чтобы количество и полномочия критиков не превысило число изобретателей и новаторов.

Вот, кстати говоря, о мстительной жестокости товарища Сталина. Когда те же авиаконструкторы, посланные в командировку в *САСИ* и снабженные немалыми деньгами, вместо технической литературы и документации, образцов самолетных узлов и так далее, проср... эти суммы, закупили «для дома, для семьи» всякий бытовой хлам навряде холодильников и стиральных машин, даже телевизоров, не работающих от московского вещания, то, конечно, были наказаны за срыв задания, но —

мягко. Главное — за дело. А потом все свои пиджаки штатские и кителя военные разукрасили орденами и лауреатскими медалями. А сотвори такое какой-нибудь партийный или административный чин? Эх, все одно скажут: невинно пострадал от необузданной жестокости Сталина...

А кто вообще закрыл глаза на грабеж дворцов и музеев Германии в нашей оккупационной зоне, когда маршалы, в том числе и Жуков, по наущению своих жадных, как и все бабы, жен-дочерей не вагонами, а составами везли «контрибуцию» на свои квартиры и госдачи? Не товарищ Сталин, чтобы не снижать «градус» Победы? Конечно, маршалам прегрешенья отпустил, а чинов поменьше наказал.* — Еще одна категория жертв тирана Сталина...

Везде должны изобретатели-созидатели разумно дополняться умными критиками. За исключением армии. Там критики по уставу не положены. Вместо критики — ответственность по субординации.

Военные... Когда меня нарекут кровопивцем и создателем на территории СССР тюрьмы размером с 1/6 части земной суши, то станут прямо-таки вопить, как муэдзин с минарета, о погубленном тираном командном составе Красной Армии перед самым началом войны. Дескать, обезглавил по какой-то своей прихоти армию, почти всех офицеров расстрелял — и прочая чушь.

А истина-то в том, что накануне уже неизбежной большой войны в Европе, да и во всем мире, Красная Армия была небоеспособной. В лучшем случае ей бы удавались (и действительно удавались) локальные сражения.

Это наглядно показали большие маневры середины тридцатых годов в Белоруссии и на Украине. Тогда мы искали возможных союзников в грядущей Большой войне, пригласили на эти маневры представительные военные делегации из Франции, Англии, Италии... и опозорились перед всей Европой. По итогам позорных маневров французы вежливо похвалили заключительный — перед отъездом наблюдателей — обед с его сервировкой. Англичане дипломатично одобрили выправку и слаженную маршировку бойцов Красной Армии, а посланцы дуче и вовсе промолчали.

Это был одновременно провал и сигнал к скорым действиям. Поэтому на заседаниях Политбюро и ЦК партии, а вовсе не единоличным решением мстительного Сталина, принято решение о спешном довооружении и вообще о перевооружении армии и чистке высшего и среднего комсостава, с которым Большую войну не выиграешь.

Рыба тухнет с головы, а наши маршалы и командармы первого ранга, выдвиженцы Гражданской войны, совсем отвыкли за почти два десятка мирных лет мышей ловить, вообразили себя генерал-губернаторами, словом — наслаждались хорошо устроенной личной жизнью.**

Их уже не перевоспитаешь, верхушку Красной Армии. То же, конечно, относится и к Ворошилову, Буденному, Мехлису, но те — преданные, ни в чем не замеченные. Остальных надо было отстранять и заменять выдвиженцами навряде Жукова, понюхавших пороха современных войн.

* К слову вспомнилась одна быль, претендующая на реальность. Задержали на границе пару вагонов с «германской контрибуцией», принадлежащей большому интендантскому лицу в звании генерал-полковника. Будучи по казенным делам на приеме у Сталина, тот вернул ему бумагу с просьбой пропустить эти вагоны. Иосиф Виссарионович прочитал, надписал резолюцию и молча кинул бумагу на стол перед оберинтендантом. Тот взял ее и прочитал: «Отдать полковнику его барахло». — «Извините, товарищ Сталин, я — генерал-полковник». — «Идите, полковник», — ответил Сталин. — Прим. авт.

** Как бы кто ни относился к кинорежиссеру Никите Сергеевичу Михалкову, но в его фильмах превагирует талант их создателя, который подспудно, помимо политустановки самого режиссера, выводит на экран правду. В контексте настоящего примечания — это, конечно, фильм «Утомленные солнцем». Задуманный как сугубо антисталинский, вопреки этой установке фильм показал, чем занимались эти бывшие герои Гражданской войны вместо боевой подготовки армии: почти помещичий быт и купание в былой славе. — Прим. авт.

Был ли реальным или только в брюзжании троцкистский военный заговор? Какие-то документы имелись, Лубянка как всегда постаралась... Да еще фигура наполеонистого Тухачевского — «полководца», проигравшего все сражения Гражданской, допустившего поляков почти до Днепра. Отличился только зверским подавлением внутренних мятежей. Даже с применением газов. Да еще похвалялся: дескать, генералиссимус Суворов тоже против внешних и внутренних врагов воевал.

Да, Александр Васильевич разбил Пугачева и уничтожил сорок тысяч ногайцев — весь их народ. Так царица велела. Но за Суворовым победы над турками и поляками, переход через Альпы и опять же разбитые наполеоновские армии. Нашел с кем себя сравнивать, поручик, выбившийся в маршалы! Уж он-то точно каждую ночь видел сны, как въезжает на белом коне в Кремль.

Тогдашняя обстановка к гуманности не располагала, да и нужно было показать новому руководству армии, что *РККА* — не клуб по интересам и не дружачье семьями генерал-губернаторы военных округов, но — монолит, беспрекословно подчиняющийся руководству страны и равный воинским искусством армиям уже наметившихся противников в грядущей войне. Отсюда и расстрел девяти высших военачальников, так или иначе провинившихся, в июне тридцать седьмого года. А на мне — одним грехом больше, хотя и грехом неизбежным, продиктованным обстановкой. Но разве я один решение принимал? Решение это принимал и каждый член Политбюро и ЦК. Они, как ни в чем не бывало, после меня будут в высших президиумах заседать, может, страной руководить, меня охаивать, забыв о своих расстрельных подписях. Расстрельщики, мать вашу... Все бы за моей спиной прятаться. Или как этот... Мандельштам в своем пасквиле: *«Для него что ни казнь — то малина, и широкая грудь осетина»*. А я его, щадя талант, оберегал сколько мог, пока угодники-расстрельщики не добрались.

Как-то даже дотошные троцкистские журналисты на Западе не подняли «национальную тему» по поводу этих девяти маршалов и командармов? Ведь среди них только один русский — Тухачевский, да и тот сомнительный, из дворянской семьи Смоленской губернии. А там среди дворян преимущественно польские потомки. А остальные? — Евреи Якир, Фельдман и Гамарник; литовцы Уборевич и Путна; для компании — эстонец Корк и латыш Эйдеман. Примаков и тот украинец щирый.

Такой вот интернационал. Это, конечно, не главное и не определяющее, никто их в Политбюро и на Лубянке по только что тогда введенным в обиход вместо крестильных метрик свидетельствам о рождении не сортировал. Мы — сугубые интернационалисты. Да и на Лубянке тогда евреи и латыши верховодили, чего им своих сдавать?

Грех, конечно, так думать об имевшем место быть (что-то я слезливый стал на старости лет?), но все же Красной Армией, почти полностью русской, должны командовать военачальники из русаков. Сложно представить, чтобы английской армией руководили в войну, да и в мирное время, маршалы и генералы из индусов, канадцев, южноафриканцев этнических? Все же национальный момент пока еще в мире никто не снимал с повестки дня.

...Да, как это троцкисты и западные писаки упускают случай в очередной раз ужалить меня? А услышь мои мысли-слова, еще бы и в обратную сторону вывернули. Мол, сам-то из каких? Вот в войну английской армией командовал стопроцентный британец Монгомери, американской — Эйзенхауэр, чьи потомки-голландцы первыми после Колумба прибыли на Манхэттен. Про де Голля и говорить нечего: гасконский дворянин, почти мушкетер! А у Советов верховный из грузин или осетин с дикого Кавказа...

Что же касается среднего комсостава до генералов включительно, даже в высоких чинах, то надо помнить: в Гражданскую войну в Красной Армии сражались сто

тысяч бывших царских офицеров, включая полковников и генералов, что было больше числа офицеров в армиях Деникина, Колчака, Врангеля и всех остальных белогвардейцев. Даже не простых, а с громким военным именем на слуху. Инспектором конницы Красной Армии почти до самой Отечественной служил знаменитый Брусилов. Опять же героический фортификатор Карбышев — наш советский Тотлебен.* Многие другие. Но среди этих ста тысяч было не так уж мало людей расчетливых, понимавших неперспективность белого движения, просто карьеристов-конъюнктурщиков, либо туповатых и неразборчивых в средствах и идеях. Многие из них относились к рядовым красноармейцам и унтерам как к убойному скоту. То есть, их отношение к воинской службе напоминало аналогичное в среде царских флотских офицеров, по-преимуществу из остзейских немцев: мы, дескать, служим русскому императору, но не России. Отсюда и их отношение к нижним чинам, во многом подвинувшее основную массу матросов Балтфлота и Черноморского флота стать авангардом Октябрьской революции, Гражданской войны.

Наконец, как среди бывших царских офицеров, а надо помнить, что большинство из них не были дворянами, так и подготовленных уже советскими военными училищами и академиями, с избытком хватало людей с криминальными наклонностями, хозяйственных воров, пьяниц, хронических нарушителей воинской дисциплины, садистов и изуверов, патологических личностей. Иначе и не могло быть в огромной по численности армии, состав которой — отображение всего населения. А оно, население-то, к началу тридцатых годов еще несло на себе в определенной степени сумятицу двадцатых годов. Что, по приказу партии все в одночасье переродилось в честных советских людей, упорно и осознанно строящих светлое будущее социализма? Как бы не так. Революция, кровавая Гражданская война, *НЭП*, безработица, раскулачивание и расказачивание, активность троцкистов, происки фракционеров всех мастей, массовая преступность ото всего этого, определенное крушение идеалов, обещанных революцией... мало ли еще чего? Словом, и к началу тридцатых годов в кипящем уже на полном пламени котле индустриализации, коллективизации, образования и внедрения в широкие массы идеологии советского, социалистического образа жизни далеко еще не все загруженное в него переварилось.

Еще раз следует подчеркнуть: армия, тем более рабоче-крестьянская, советская, есть полное отражение духа и характера населения страны со всеми их достоинствами и недостатками.

Поэтому чистка среднего состава армии, в основном от майоров до полковников, оздоровила ее, хотя какой-либо массовостью не сопровождалась. Уволили восемнадцать тысяч командиров, из них около шести по явному составу преступлений ненадолго были арестованы, но вскоре и освобождены, даже возвращены в строй. Расстреляны же только те, за кем много грехов накопилось: в меньшей части политических, в основном — должностные и хозяйственные преступления. В то суровое время и с гражданскими лицами поступали точно так же за аналогичные проступки. Время суровое, кара суровая. Но иначе честные люди нас бы не поняли.

А начавшиеся в то время в западной официальной и эмигрантской прессе вопли об уничтожении Сталиным (не Политбюро, не *ЦК*, а именно *Сталиным!*) всего офицерского корпуса Красной Армии вызывали в *СССР* только усмешки. Восемнадцать тысяч уволенных, частично арестованных, по сравнению с полутора сотней тысяч офицеров в строю? Опять же мы в это время отказались от царской системы трехуровневой комплектации и мобилизации и перешли к боеготовности военного времени, то есть Красная Армия возросла от ста до двухсот дивизий. Соответственно,

* Генерал Тотлебен руководил строительством оборонительных сооружений в Севастополе во время Крымской войны. — Прим. авт.

удвоился и офицерский корпус. Так что прощтрафившиеся в чистку составили всего лишь единицы процентов от общего числа командиров *РККА*, а на *РККФ* — доли процента. На последнем, кажется, только командующий Северным флотом Душенов из высших чинов — был арестован, но перед войной и того освободили.

Примерно также шла в тридцатых годах чистка высшего партийного и административно-хозяйственного аппарата. Пришла пора избавиться от попутчиков, тайных троцкистов, прямых вредителей и вообще «старой гвардии», уже не способной к госстроительству, ставшей тормозом. А показательность этих процессов стала хорошим уроком для выдвиненцев. Зиновьев, Каменев, Бухарин и иже с ними — они выработали свой творческий потенциал. Но ведь их просто так в отставку не отправишь. И народ нас не поймет, и воспитательно-дисциплинирующего эффекта не получится.

О расстрелах, за которые меня назовут кровопивцем, по-мандельштамовски: «*Для него что ни казнь — то малина*». Почему бы этому, безусловно талантливому, поэту было не написать эти строки о Троцком? Если при чистке Красной Армии в тридцатых годах к высшей мере за действительные преступления была приговорена тысяча с небольшим бывших командиров, то только в Крыму после разгрома Врангеля по приказу Иудушки расстреляли пятьдесят тысяч сдавшихся в плен офицеров. А ведь, вообще говоря, были врагами, но не преступниками. Опять же на них распространялись все права военнопленных. А сколько миллионов (не тысяч, даже не сотен тысяч) наиболее образованных, деятельных, преимущественно русских людей при Троцком и, увы, при Ильиче были уничтожены безо всяких оснований в подвалах губернских и столичных *ЧК*, в «образцовом» лагере перевоспитания на Соловках, знаменитом *СЛОН*^{*}? Такая вот история-проститутка...

Да еще полубезумный извращенец Ежов кровавую баню устроил! Все, все на меня и Лаврентия спишут, хотя бы после Ежова большую часть арестованных освободили, а Берия разогнал к чертовой матери, а кого и под дуло поставил, этих ягодино-ежовских расстрельщиков. Эта веселая компания еще при Троцком свила там гнездо. После окончания войны и вовсе смертную казнь отменили: хватит, пролили кровушки своей на фронтах, не будем же и далее ее проливать даже у предателей, власовцев, уголовников.

...И ведь 58-я статья что в тридцатых, что в сороковых годах в общей численности сидельцев по лагерям и тюрьмах вовсе не составляла большинства. Как будто вопрос с уголовной преступностью в *СССР* решен? Да и по знаменитой этой статье работа Лубянки не многим отличается от обычной уголовной милиции: мелочь, подставных лиц хватают, а крупная рыба жирует на воле. В этом и причина живучести троцкизма.

Что это я оправдываться стал? Опять старческое, мальчики кровавые в глазах, — не преминет заметить некий мой хулитель, а имя им есть и будет легион. Еще какой огромный легионище серых, тупых, алчных и нечистоплотных людишек.

Ведь никому в голову не придет, что хозяин огромной страны есть заложник ее забот, побед и поражений. А главное — любой хозяин по определению, как это ни дико на первый взгляд смотрится, есть самый стесненный в выборе средств человек. Не говоря уже о пресловутой свободе выбора. Об этом реформатор католичества Лютер много говорил, даже основной свой трактат так поименовал.

В простом крестьянском дворе хозяин руководит всем, но доверяет каждому члену семьи в ведении его дел. Он не вмешивается в склоки своей старухи с золовками и невестками. Сыновья пашут, бабы за скотиной ходят. Зачем же ему знать точное число кур во дворе и какого из двух дерущихся до крови петухов на похлебку с лапшой пустить?

* Северный лагерь особого назначения.— Прим. авт.

А теперь представим хозяина почти двухсотмиллионной страны размером с 1/6 земной суши? Не доверять всем? — Тогда на пенсию пора. Всем доверять? — Укокошат незамедлительно. Это и есть ходить, то есть жить, по лезвию бритвы.

Его роль в огромном государстве — должность машиниста, обслуживающего гигантскую машину с сотнями миллионов винтиков и шестеренок, миллионами механических и электрических узлов, десятками тысяч сложнейших, автономно работающих механизмов. Машинист ее обслуживает, он ответственен за исправную работу машины, да еще постоянно изобретает и рационализирует, чтобы не отстала в качестве и количестве работа его машины от соседних. Да еще временами брать в руки дреколь, если кто на его исправно работающую машину позарится.

Этот машинист и сам опытный механик, электрик, конструктор. Некогда он и сам не последнюю роль играл при строительстве этой гигантской машины. Отменно знает ее устройство — до узлов и винтиков-шестеренок. Но раз машина запущена, то он уже ничего в ней серьезно поменять не может. Даже если что-то внутри ее начинает барахлить. Главное — чтобы машина работала.

Вот так и он, хозяин великой страны. Машинист. Отсюда и две легенды о Вожде. Нынешняя: весь народ, исключая затаившееся троцкистское охвостье, думает: товарищ Сталин в Кремле днем и ночью работает, руководит страной и каждого видит насквозь, о каждом заботится. Будущая: злодей и кровопивец Сталин денно и ночью с карандашом в руке просматривает тысячные проскрипционные списки приговоренных к расстрелу и дописывает еще сотни.

Истинно мне делать больше нечего, как какие-то списки просматривать! Есть разделение труда, перечитайте «Капитал», где описан переход от индивидуального ремесленничества к мануфактуре. Есть *НКВД*, сейчас *МГБ*, есть комиссии и ответственные на то лица в *ЦК* и Политбюро. Это их дело. Если и просматривал списки по верхушке в процессах тридцатых годов, то только по представлению, уже согласованному, всех этих ведомств. ...И не дописывал, а вычеркивал, если нужно. А вот где дописывал и сейчас дописываю, так это в списках наградных. Как после испытании атомной бомбы дописал в реестр будущих Героев соцтруда и орденосцев вывезенных в сорок пятом году немецких физиков, наладивших у нас производство металлического урана в огромных количествах. Да еще и Лаврентия упрекнул в такой «скромности».

...Когда машина государства запущена, то далеко не все зависит от воли хозяина-машиниста. Любое творение рук и ума человека рано или поздно дистанцируется от своего создателя.

Это тоже одни из законов диалектики Гегеля в части социализации человеческой деятельности. Против диалектики не пойдешь, иначе вместо стройного государственного устройства получишь анархию и распад государства.

Кадры решают все, но кадры нам надо было вырастить на том навозе с немногими жемчужными зернами, что мы имели на развалинах лихолетья революции и Гражданской войны, военного коммунизма, *НЭПа*, активной поры троцкизма, затаившейся контрреволюции. Сейчас даже жутко становится, как мы все это перевоплощали в социалистическое государство? Истинно говорят: глаза боятся, а руки делают!

И какие кадры мы имели к середине тридцатых годов, годов великой и спасительной для нас в преддверии войны чистки и укрепления советской власти, партийного руководства и рядов партии, армии, промышленности, науки и сельского хозяйства? — Ответ каждому, самому тугодуму и скептику, известен. Единицы преданных советской власти выдающихся организаторов, десятки-сотни, пусть даже тысячи, умелых и верных исполнителей на своих участках фронта построения социализма. Несколько миллионов пусть не очень умных, не очень дельных, но верящих партии и

руководству страны, не вдаваясь в сущность этой веры. Это как в догматах христианства: верую без сомнения, ибо сомнения — прямой путь в ад. Это у католиков. У православных формулировка мягче, но смысл тот же.

И это все кадры, которые мы успели создать к тому времени. Остальные многие миллионы — масса. Именно в понятии массы: во многом инертной, подчиняющейся, рукоплещущей (по указке партторгов и агитпропа).— Со всеми из этого оргвыводами, как принято говорить.

Конечно, к этому времени мы массу несколько окультурили, подтянули к грамотности и определенному уровню образования, но в целом она осталась еще сырым материалом. Только Великая война перековала его в единый советский народ.

И здесь случилось неизбежное в таком раскладе. Эта масса дала сонмы угодников-лизоблюдов, доносчиков, расстрельщиков и просто дураков. Все их дела на меня и спишут троцкисты и агенты Запада, если воцарятся в Кремле.

Поначалу, еще в бытность второстепенным наркомнацем, поразило обилие доносов и клевет по самым ничтожным поводам. На Кавказе это не было принято; там сор из сакли не выносят. А для серьезных дел есть кровная месть. Тут же курьер из наркомпочтеля мешками приволакивал. В двадцатые-тридцатые годы, когда СССР стал страной сплошной грамотности, число доносов достигло гомерических размеров.

...Уже в недавние времена в каком-то литературном журнале прочитал статью академика Янина о новгородских берестяных грамотах. Так, оказывается, содержание большинства из них — доносы и жалобы. Даже известная пословица «доносчику первый кнут» имеет смысл не ограничения доносительства, но проверки того, что донос не ложный, но имеет основание.

И откуда это у такого великого, правдивого, нелижвого народа как русский? Может, от широкой распространенности среди городского населения Древней и Московской Руси грамотности? Нет, скорее от большой власти князей. Надежда на князя, а потом на «батюшку-царя», как единственных справедливых судей, и породила это обилие челобитных. А когда, уже в наше время народ убедился в справедливости советской власти, то эта традиция челобитных возродилась и приобрела невиданный размах. А в годы больших чисток этой особенностью русских людей всюю пользовались затаившиеся враги Советской власти, подставляя доносами вместо себя ни в чем не повинных людей. Это и дало Ежову формальный повод для мясорубки тридцать седьмого года.

Недавно Ворошилов в застолье, когда речь зашла о сдерживании доносительства, анекдот рассказал. Два еврея, работающие на одном заводе инженерами, завели разговор о том, что у них-то отдельные квартиры имеются, а у их коллеги — только комната в коммуналке. «Давай, Семен, поможем Арону: ты через партком, а я через профсоюз добьемся для него квартиры?» А вот с того же завода Иван и Петр живут в коммуналках, а Василий — из цеховых мастеров — в отдельной. «Ишь, выслужился; давай-ка, Петруха, донос на него сочиним». — «Так все одно нам его квартира не по зубам!» — «А чтобы не высовывался».

...Порой и вовсе озорная мысль выпрыгивала: довести доносительство до полного абсурда, создать такую ситуацию, когда все люди в стране пишут доносы и на каждого тоже имеется донос. Может, тогда эта порочная практика рухнет? Вряд ли.

Угодники и дураки — другая беда. И это все из-за общей низкой культуры масс. А расстрельщики, кровавых дел мастера — прямое порождение троцкистской вакханалии первых послереволюционных лет. Куда ни кинь — всюду клин.

Все спишут на меня. Так рождается мифотворчество нашего жестокого века. Самое обидное: через пятьдесят лет во Франции и во всем мире забыли о миллионах гильотинированных в Французскую революцию. Что было, то прошло и осталось в

истории. Но о куда меньших жертвах — вольных или невольных — в нашей стране и пятьдесят, и сто лет еще будут помнить и связывать исключительно с моим именем. Это месть мирового капитализма, в том числе и мне, за великий прорыв нашей страны к новой социальной жизни!

**СОЦИАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ;
ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ — ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ;
ИСКУССТВО, КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА**

...Говорите, списки проскрипционные подписывал. Других дел не было. А ведь во все приходится вникать. И чем больше полезных дел совершишь, тем злобнее клеветы. Даже на пустом месте. Как в вопросе с русской православной церковью. Дескать, тиран не брезгует ничем, когда ему надо, так и своими партийными догмами пренебрежет. Вот и ненавистную ему и советской власти церковь решил задобрить, когда им туго пришлось в войну.

Эх, вы, злопыхатели мои! Хотя бы на дату, на год того знаменитого приема в Кремле трех митрополитов посмотрели. Это ведь уже был тот год, когда мы сломали хребет Гитлеру. И наша победа — с молитвами ли, без них — сомнений не вызывала. И забыли, что товарищ Сталин в семинарии чуть-чуть не дотянул до сана православного священника. Так что в небо пальцем попали, злопыхатели мои!

С церковью давно уже следовало разобраться. Троцкий, а затем глуповатые по молодости комсомольцы под водительством земляка Иудушки Емельяна с псевдонимом Ярославского, руководителя «Общества воинствующих безбожников», почти полностью подвели ее под ноль. А русский мужичок-боголюбец и ухом не повел. Отчего же так? Особенно если в параллель вспомнить свирепейшие религиозные войны в Европе. Да и у нас Никонов раскол, боярыню Морозову, самосжигание заживо целыми селами...

Ответ прост. Пообщавшись в Европе, в протестантской Голландии к тамошнему народу, Петр Первый сам подцепил эту заразу. Потому смаху решил окоротить и русскую церковь, лишить ее завещанной Христом независимости от госвласти и сделать ее одним из департаментов. Так и появился Священный синод вместо упраздненного патриаршества.

Так русский поп стал чиновником — наряду с урядником, судейскими и жандармами. И попу хорошо жилось двести лет на полном гособеспечении. Да и приход для приварка имел. Когда грянула революция, то русский народ уже четко делал различие между верой, то есть, церковью небесной, и земной церковью — царской канцелярией с попами-миродами.

И не только в революцию. Такой вот факт. Образованным людям хорошо известно трехтомное собрание русских пословиц Афанасьева. Но специалисты-филологи знают еще два тома, изданные в прошлом веке крохотным тиражом «для служебного пользования». Один содержит скабрёзности по женской части, другой — нелюбезное о попах.*

Вот так после революции, когда русский народ, страшный, по словам Пушкина, в своем бунте, принялся громить все и вся, что несло на себе царское клеймо, то попы и церковная иерархия были приравнены к помещикам, фабрикантам, полицейским и чиновникам.

Попытки нормализовать отношение с церковью, то есть, декрет об отделении ее от государства, восстановление церковью патриаршества, деятельность Сергия и Ти-

* Не ручаемся за достоверность, но в наше вольнолюбивое время эротический том вроде бы издали. А о «поповском» не слышал.— Прим. авт.

хона,— все было похерено Троцким и его последышами навроде Ярославского. Не в моей власти тогда было сколь-либо реально и гибко решать этот вопрос. Архисложный вопрос при видимой никчемности: ликвидировали поповщину как класс, церкви под комсомольские собрания передали — и аминь!

Но думать-то нужно! Даже загодя, еще не выйдя из революционных бурь... А кому было думать? — Ненавидящему по какой-то причине религию Ильичу? Или ненавистникам всего русского Троцкому и Ярославскому? Так они в своей масонской революционности и свои-то синагоги крушили. Чего уж тут говорить о православии.

То ли мое семинарское прошлое и достаточное знание истории церкви и ее роли в государственном устройстве, а может, здравый смысл хозяина страны, но при всем своем осознанном атеизме мысли об урегулировании отношения с церковью редко уходили из головы. Здесь два момента преобладали. Во-первых, религию, как исторически сложившийся институт, не отменишь. Она только сама может отмереть, но до этого далеко. В том числе в нашей стране, в нашем народе. Есть процессы, которые искусственному ускорению не подвержены. Во-вторых, девиз воинствующих безбожников «религия — опиум для народа» можно прочесть и по-другому, в более тонком понимании.

Жизнь современного человека, даже у нас в стране, не очень уютная. Поэтому человеку для душевного устроения иногда требуется передышка, то есть, этот, широко понимаемый опиум. Кто его ищет в самозамыкании, кто в водке или еще в чем, например, в искусстве, в литературе. Словом, во всем, что на время отвлекает от трудности жизни. Религия, как глубокая вера или как обрядовая, театрально-зрелищная сторона — и есть наиболее распространенная форма такого опиума. И как раз эта расфасовка спасительного опиума наиболее безобидна с точки зрения государственных интересов. Если, конечно, держать все под контролем — ненавязчивым, но всеобъемлющим. А на наше счастье православная церковь — не католическая; она преимущественно обрядовая, зрелищная. Проповедь, то есть, потенциальная идеологическая пропаганда, в нашей церкви практически отсутствует.

То есть, церковь и социализм, причем православная русская церковь, на данном этапе нашей государственности не антагонисты. И еще долго таковыми не будут. Разумеется, если обе стороны будут придерживаться определенных правил политической игры. Это, конечно, не должна быть царская госцерковь, но и не ставящая себя равной с государством церковь допетровская, точнее донионовская. Полный контроль за ней со стороны государства вовсе не означает ее «чиновничий» характер. А церковь не должна ни единым словом и жестом выражать какое-либо негативное отношение к советской власти.

...И в тридцатые годы нам было не до церкви; вернее, еще не пришло время для восстановления *РПЦ*.

Но такой момент ускорила война. Когда стало ясно, что мы победили, пришла пора думать загодя об обустройстве мирной жизни во всех ее проявлениях. Так было принято решение о возрождении православной церкви, ее иерархии во главе с патриархом, всей обширности ее инфраструктуры. Конечно, далеко не в том объеме, как в Российской империи, когда тот же Николай Второй выделил не из очень-то богатого бюджета страны огромные суммы на программу строительства в империи ста тысяч новых храмов. В намного меньшем объеме, учитывая реальный атеизм советского человека. Но и достаточном для обслуживания требованиями воцерковленных верующих. Умеренно разрешить и монастыри, ибо всегда были, есть и будут люди, по той или иной причине не могущие, не желающие жить на мирѹ.

Война не только ускорила урегулирование наших отношений с церковью. Она же дала и основание для восстановления *РПЦ*, как главенствующей в стране церкви —

церкви русского народа, понесшего и продолжающего нести в войне наибольшие людские, материальные и прочие потери.

Во-первых, по окончании войны останутся, особенно в сельских местах, миллионы вдов. Может, даже десяток миллионов с лишним. И мужчин по своим последствиям война не обойдет: несколько миллионов инвалидов, оставшихся без семей. Выходом из душевного потрясения для многих из этих женщин и мужчин станет церковь. Опыт отечественной истории подтверждает это. Здесь церковь очень нам поможет в утешении отчаявшихся и рубцевании душевных ран. Особенно у вдов старшего возраста. А агитпроп умерит свой атеистический пыл.

Во-вторых, восстановлением православной церкви мы нанесем сокрушительный удар по сектантам, особенно протестантского толка, всем этим баптистам, адвентистам и другим, которые являются религиозной агентурой Запада. И не только религиозной. И все эти секты, да и наши доморожденные пятидесятники, духоборы и так далее вплоть до изуверских, сразу по окончании войны активно попытаются взять контроль над вдовами, инвалидами и другими жертвами войны с душевными и физическими травмами. Это серьезнейший момент; именно он, в числе прочих, убедил наше государственное и политическое руководство в необходимости восстановления *РПЦ*.

Наконец, коль скоро мы уже планировали после перелома в войне брать курс на создание соцлагеря и длительное мирное сосуществование в мире двух систем, и особенно после принятия с союзниками решения о создании *ООН*, то потребуются и религиозная дипломатия. Понятно, что в современном прагматичном мире, особенно западном, религия есть маска, но правила игры в мировой дипломатии мы должны принимать. Поэтому *РПЦ* понадобится нам и на этом, мирном фронте общения с миром.

Церковь мы восстановили в намеченном объеме и качестве. Сейчас никаких взаимных претензий у нас с ней нет. Лишь бы вечно рьяные «лубяшники» не портили благое дело своей сверхбдительностью, а главное — чтобы после меня какой придурок не повторил троцкистские гонения на церковь.*

...А вообще-то говоря (но не с трибун и страниц газет, конечно), идеалы социализма-коммунизма имеют своими корнями первозданное, не извращенное христианство. Если Маркс об этом явно не сказал, то только потому, что в другой конфессии родился. А вот Фейербах и Энгельс сказали.

...Если о здоровье душевном мы долго думали и собирались; имею в виду души верующих, то о здоровье телесном вопрос решился быстро. Как только страна в конце двадцатых годов встала на магистральный путь развития. Здоровье нации — залог мирных и военных побед. Уже в тридцатых годах зарубежных дипломатов и заезжих иностранцев, тех же американских и немецких промышленных специалистов, работающих на нас, поражали и приводили в восхищение большие физкультурные парады в Москве и других крупных городах страны.

Именно — *физкультурные!* И именно физкультуру, физическое развитие самых широких масс, а молодежи и поголовно, мы с самого начала поставили как важнейшую государственную задачу в части создания активного гражданина — строителя социализма.

При этом с самого начала мы отвергли порочные тенденции превалирования спорта над физкультурой. В этом мы во многом следовали идеям и трудам Лесгафта. А также практике соотношения физкультуры и спорта в царской России начала этого века. Действительно, по всей стране тогда доминировала физкультура: от деревенских игр в лапту до гимназических уроков сокольской гимнастики. А на городских окраинах за-

* Сталин «лубяшников» в этом вопросе действительно сдерживал, а его опасения об очередном погроме *РПЦ*, увы, сбылись. Тайный троцкист Хрущев повторил погром Троцкого. Возможно — из-за своей ненависти к Сталину. Или своей глупости.— Прим. авт.

водские ребята уже начинали гонять футбольный мяч. А в спорт игралось высшее сословие: новомодный английский бокс, дамский крикет, ипподромные скачки.

Возрождение де Кубертенем олимпийских игр, несомненно, хорошее дело. Но оно имеет и негативную сторону: здесь достаточно скоро массовая физкультура начала подменяться профессиональным спортом. Хотя бы и не афишируемым как профессиональный. Причина одна: в главной своей ипостаси спорт — это политика и коммерция. То есть, каждая страна через спорт утверждает свой престиж, а коммерция — спорт как платное зрелище. Поэтому физкультурные олимпиады Древней Греции в прагматичном Риме сменили стадионы гладиаторских боев.

Когда лицемеры — западные и наши — говорят, что спорт показывает массам небывалые возможности человеческого организма и тем самым вдохновляет эти массы на совершенствование своего тела — все это брехня и хитрож...сть. Своего рода трюклизм в данной ипостаси. Профессиональный, узкоспециализированный спорт — это уродование человека. А те массы, что заполняют многотысячные стадионы, меньше всего берут со спортсменов пример, а занимаются мазохизмом, мысленно перевоплощаясь в этих спортивных роботов, но ничего уже не делая для собственно физкультурного развития. Здесь Лесгафт все предвидел.

Меня могут упрекнуть: развивая массовую физкультуру и принижая спорт, мы подражаем довоенной Германии и Италии, где массовая физическая подготовка была государственным делом. Дескать, как нацисты и фашисты, готовясь к войне, закаляли все население, так и в СССР все население предуготовляется к будущей агрессии против демократического Запада... Пусть думают. Даже опасаются. Но государство, ставящее перед собой цель совершенствования своих сограждан во всех отношениях, желает видеть своих людей не на трибунах стадионов, но на массовых физкультурных парадах, в гимнастических залах школ и институтов, на спортплощадках военных городков и так далее — до дворового ребячьего футбола. Кроме того, профессиональное занятие спортом, перенагрузка на мышцы плохо сказываются на развитии мыслительных и душевных качеств «робота на жалованье».

Конечно, все мы на Земле друг с другом связаны. И развитие земной цивилизации в целом касается всех государств, в определенном смысле нивелирует их. Спорт все же есть и у нас, а его охват и рост стали особенно заметны после войны. Придет время — и в футбол не только с турками будем играть, а там и до олимпиад дело дойдет. Мы не сможем жить в полной автаркии. Вот и Васька спортом увлекается: футбольные и хоккейные команды BBC уже из сугубых профессионалов создает. А ведь было ему знамение, когда опоздал на самолет и не разбился со всей своей армейской командой?

Здоровое тело — замечательно, но все же первоочередно надо думать о том, что развивается в головах советского человека. Речь не только и не столько о специальных знаниях инженера, врача, военного или учителя. Человек социалистического общества — явление гармоничное. Искусство, культура, литература — все это в советском человеке должно присутствовать массово, причем этот массовый уровень должен быть равным уровню привилегированных слоев Запада! И эта задача нами блестяще решается. Главное: у нас не должно иметь место так называемое элитарное искусство, культура и литература — для неких избранных. Что мы наблюдали в царской России — хотя и в меньшей степени, чем на Западе в прошлом и настоящем.

Гармоничное сочетание художественности и истинной народности — вот наше генеральное требование к творцам советской культуры. Немаловажен и идеологический подтекст: мы ведь еще не построили полностью социализм, тем более коммунизм. Поэтому и через культуру мы должны воспитывать советского человека в грядущих идеалах. Но этот идеологический подтекст вовсе не должен грубо выпирать

вперед чисто художественного, эстетического. Здесь идеология — то же грунтованное полотно, которое держит нанесенные художником краски, но своей белизной нигде не засвечивает искусный пейзаж.

В плане художественного творчества, музыки, литературы, общего культурного уровня дела у нас идут замечательно. Конечно, достаточно пыхающих бездарей, льстецов, формалистов и «непризнанных гениев». Но это непрменный атрибут такого сложного процесса. Поэтому когда мы одергиваем того же Мурадели, Прокофьева, Ахматову, Зощенку, то помогаем и им вернуться на советскую почву и даем урок другим. Неверно, что советская культура догматична и примитивна, сплошь политизирована и идеологизирована. В корне неверно. Просто она еще учится, хотя уже и в старших классах, отвечать своему назначению в обществе нового типа — каких еще на Земле не было. А учение — это последовательное прохождение ранее имевшего место быть и постижение нового.

...Особенно хлопотно с писателями. Очень жаль, что Шолохов как-то перестал нас радовать своим гениальным пером. Что же, то не раз в истории литературы было. И не только литературы. Сервантеса мы сейчас знаем исключительно по «Дон Кихоту», а кто, даже среди литературных историков, помнит название сотни других его книг? Джакомо Россини с четырнадцати до тридцати лет своей жизни сочинил тридцать опер, в том числе шедевры: «Севильский цирюльник» и «Вильгельм Телль». А затем сорок лет уже и не прикасался к нотной бумаге, наслаждался мировой славой и деньгами, а, будучи обжорой и гурманом, все время проводил на кухне, изобретая все новые и новые блюда.

Так и Шолохов слишком много души и ума вложил в молодости в гениальное творение «Тихого Дона». Не растягивал, как иные расчетливые, главы на всю жизнь, а выложил сразу и целиком.

И Союз писателей создали взамен обанкротившегося *РАПП*а не столько для контроля над мастерами слова, хотя, конечно, и это имеет место, но чтобы обеспечить наиболее даровитым писателям условия для творчества без забот о хлебе насущном. Эх, писатели вы, писатели! Вроде как засыпаю наконец-то. Скоро и темное февральское утро.

ДОМАШНИЕ ТВОИ — ВРАГИ ТВОИ; ОТЦЫ И ДЕТИ — ФЕЛЬДМАРШАЛОВ НА СОЛДАТ НЕ МЕНЯЮТ

Но нет, подкравшийся было спасительный сон вновь отскочил. Но не многоречивые и скандальные писатели-сочинители напугали сон, а внезапно выскочившая из-под сознания самая неприятная для Вождя тема: сугубо личная, семейная жизнь. А он уже привычно разлагал все по полочкам логики.

Нет, не может у вождей его ранга, у хозяина великой страны быть сугубо личной жизни. Как ни старайся, но ты постоянно и дома под окуляром микроскопа или в фокусе телескопа — кому как нравится. Ему, как бывшему вычислителю в обсерватории,— второе. Даже несколько обидно: кто знает о семье Ворошилова, Микояна, Маленкова? А о его семье, неладах в ней — знают. И свои, и враги. А последние еще и мусолят без конца и злорадно. Мало им Якова, Василия и Светланы, их матерей, так и мою маму Кеке черт-те к чему приплетают, генерала-географа Пржевальского в папаше мне сватают! Посрывает бы всем сплетникам головы, да давно еще дал себе слово: за личное не мстить, только за государственные и партийные прегрешения. Мстить за личное — себя унижать и в грязи валять. Разве мстил Мандельштаму за его «казнь-малину»? Спас дурака — не в поэзии дурака, в жизни.

Кто не грешил в молодости? Есть и внебрачный, курейский сын Саша Перепры-

гин, но со мной общаться не хочет. Его дело, я шаги навстречу делал. Пусть себе в майорской отставке живет в Новокузнецке. Не высовывается, правильный сын, воевал как Яков и Васька. Но вот когда через Лубянку доходят слухи о каких-то Александре Джуге, Владимире Маркове, еще и других, что мои сыновья — такие слухи надо пресекать. Всему имеется предел.

С матерью Якова с самого начала не заладилось, но с приходом Нади, затем рождением Васьки и Светланки, показалось: семейный тыл обеспечен. Он уже может в своей занятости государственными делами не отвлекаться на дом, быт, не забывая, конечно, что есть семья, в которой он не постоялец, не квартирант, а глава, хозяин. И известное библейское, многаяжды повторенное в своих писаниях Львом Толстым — «домашние твои — враги твои» — воспринимал как нравоучительное преувеличение.

Но нет. Не миновала чаша сия и его. Да еще как! И как зловеще, страшно началось? Уже спустя некоторое время после самоубийства Нади, в хандре будучи, впервые пробовал осмыслить это библейское о домашних-врагах. Понятно было ему, бывшему семинаристу, что слова эти, как и все библейское, следует понимать расширенно и иносказательно. Смысл же тот, что чем дальше от тебя человек, чем меньше с ним соприкасаешься, тем меньше поводов и мотивов для вражды, враждебства. И наоборот — чем ближе, тем больше. Пояснять это вовсе и не нужно. Человек — все же особь сугубо индивидуальная, но и социальная. Характер на характер не сходится, даже у кровных родственников. А раз им приходится жить вместе, то сталкиваются они все чаще и чаще именно за зубринами своих характеров. Индивидуальность же лишает понимания пользы компромиссов. Так бывшие ближние становятся врагами: от скрытых до лютых, берущихся за топоры.

Не хочу вспоминать о том Надином выстреле. И запретил *НКВД* вести расследование. Они, чего доброго, состряпали бы показательный процесс «о доведении жены товарища Сталина до самоубийства правотроцкистской антисоветской организацией». Или что-то в этом роде. Хотя, конечно, не без злокозненного влияния здесь было. Я, конечно, человек грубый, но не особо грубее многих других. И занят двадцать четыре часа в сутки. Но домашним тираном не был. И Наде с самой женитьбы дал понять: я — твой муж, но в основном — руководитель партии и страны. Согласен дома решать домашние дела, но с подачи разных доброхотов с внедомашними делами ко мне не обращайся. И не учи меня как управлять государством и партией. Ибо ты не просто замужняя женщина, но прежде всего жена Вождя. Не послушалась, не восприняла...

Могут упрекать меня в жестокосердии, когда я говорил о том, какой удар мне нанесла Надя своим самоубийством. Но я не о себе, муже ее и отце наших детей, конечно, говорил; здесь говорил Вождь государства в один из самых нелегких периодов его созидания. А что думал тогда я, как человек, как муж, об этом никому знать не положено. Ибо я — человек с его душой и сердцем, и я — руководитель, хозяин страны — уже давно разделились.

Точно также ни единый человек, даже Василий и Светлана, не знают и никогда не узнают, что творилось в моей душе и голове, когда я отказался обменять Якова на Паулюса. И что два дня затем не произнес ни единого слова, предоставив Поскребышеву самому давать уклончивые ответы на самые важные телефонные звонки.

...Никакой театральщины и позы не было в моем ответе, когда на заседании *ГКО*, где Молотов и главпуровец Мехлис уговаривали на этот обмен, указывая на обычность таких действий: «Я фельдмаршалов на солдат не меняю. А если обмены приняты, то предложите обменять всех пленных немецких генералов на товарища Тельмана!»

Это-то и дало пищу очередным злопыхателям. Мол, во всем подражает Ивану Грозному и Петру Первому, даже сына не пожалел! Не совсем ясно из истории обо что побили горшки Иван Грозный с сыном, а вот у Петра его Алексей оказался пря-

мым предателем и заговорщиком.— По малому своему уму. А Яков отца и Родину не опозорил. Что бы я в порыве раздражения ни говорил, узнав о пленении. И когда передавал мне Лаврентий немецкие листовки с удачно сделанными, выхваченными из контекста, фотографиями. И погиб Яков мужественно, осознанно. Но все это уже после войны стало известно. От этого мне не легче.

А поддайся я естественному, человеческому, отцовскому чувству и соверши обмен на Паулюса? — Как бы я тогда смог глядеть в глаза миллионам женщин и мужчин, чьи дети попали в плен, не сдаваясь, как и Яков, или были вывезены на рабскую работу в Германию? Конечно, сами родители, они бы поняли Сталина-отца, не прокляли меня, даже не осудили бы. Но на какой-то, хотя и небольшой градус, безграничное доверие ко мне, а значит и к советскому государству, упало. А этого в напряжении всех сил народа в войне допустить было нельзя.

На то человек и социальное существо, чтобы в крайних случаях преодолевать свою биологическую природу и выбирать примат общего над своим личным.

Это второй сокрушительный удар, что судьба нанесла по моей семье. И если Надя в конце своих дней поставила себя почти что в явные враги мне, то не совсем простые отношения у меня всегда были с Яковом. Я взбрыкнулся из-за его женитьбы. Он, по всей видимости, ревновал меня к новой семье... Да, так оно и бывает. Враги не враги, но какое-то холодное родство. Из-за этой холодности не смог я хоть как-то обезопасить Якова, не допустить его в ряды артиллерийских лейтенантов-смертников.

Нет, конечно, воевать все должны — от детей дворников до сыновей маршалов. Так оно и было. Не один я потерял Якова. То же случилось у других высших военных и гражданских начальников. Но я упустил важный политический момент: я забыл, что мой сын — не просто сын своего отца, но сын Вождя, то есть, сын символа советского государства. Надо было побережь — не ради его самого, не ради меня, но ради того, чтобы не дать в руки врагу такой политический козырь.

Василий, как летчик, возможно, был более защищен, хотя бы потому, что летчики-истребители либо погибают в бою, или возвращаются на свою землю — на самолете или парашюте. На вражескую территорию Васька бы с парашютом не выпрыгнул. Это он говорил не играючи. А, памятуя Якова, без всякого моего приказа, даже без полунамека, его начальство само приняло серьезные меры для охраны Василия в воздухе. При этом охраны неназойливой, невыпячиваемой. Собственно же вылеты его являлись, безусловно, боевыми.

Хорошо Васька воевал, хотя порой в такие истории на земле вляпывался, что только фамилия спасала от трибунала. Но я его сам наказывал. И сейчас не без дела; увлекся же этим дурацким спортивным организаторством, но в своих ВВС порядок у него отменный. Два недостатка у Васьки: слишком рано стал генералом и пьян. Первое ему припомнят после моего ухода, а второе — наследственное от деда Виссариона Джугаева, ставшего в Грузии Джугашвили. Пороки и таланты передаются через поколение; увы, собственные родители здесь мало что могут поделать. Водка и бабы если не сгубят его до конца, но без меня он будет никто.

Васька — единственный не враг домашний. А Светка? Светка — Светка. Сетанка ты моя, любимица. И у тебя деда-бабки с каким еще норовом? Запутаться ты, милая Сетанка, в жизни, как уже при моей жизни запутываешься со всеми этими женихами, которых тебе явно подсовывают. А ты все за чистую монету принимаешь. Когда пробую тебе объяснить, то сморишь на меня домашним врагом.

...Сон-сон, когда же ты ко мне придешь и освободишь меня от самых тяжелых воспоминаний?

ЗА ЧТО МЕНЯ УБЬЮТ, БУДУТ ПРОКЛИНАТЬ... И БОГОТВОРИТЬ

*Коль вновь, замолкнув не мгновенье,
Бьют родники из-под небес,
И ветра легким дуновеньем
Разбужен ночью темный лес...*

Не более чем на минуту-другую сон сморил-таки, но тут же отступил; ненадолго, как бывает у поздно засыпающих людей: последняя «передышка» бодрствования перед долгим забытием до следующего дня, а у Вождя, засыпавшего в три-четыре ночи, почти до следующего полудня. А минутный предсон, завершившийся строфой «в руку» из давнего, юношеского стихотворения, необыкновенно, но тоже на пару минут, прояснил мысли, до того текшие в темноте и тишине ночи все более вяло и вяло...

Через три стены, длинноту коридора и чуть приоткрытую дверь спальни, только и ночью слышимый здесь, донесся и без того тихий, вежливый бой напольных часов в большой гостиной. Половина четвертого, час волка и третьей стражи. Для не заснувших еще людей, тем более трезвых и умиротворенных слабостью тела и души, что бывает у простудных больных, этот час по-настоящему тревожен. Благодушные размышлений сменяется невольным страхом: за себя, за свое прошлое, главное — за будущее. Не только и не столько за свое, но вообще за будущее жизни.

За что меня убьют? — А просто так, естественным образом, многотрудная, может, и грешная в глазах многих, моя жизнь не завершится. Меня убьют. Конечно, не трибуналом на Лубянке или Таганке. Это и злейшим моим ненавистникам в самых их радужных снах не привидится. И дворцовый переворот немислим, хотя бы даже если дачу охраняет не дивизия с приданными ей танками и ракетными батареями с атомными боеголовками, но всего-то несколько человек, в лучшем случае вооруженных наганями: комендант Орлов, старший прикрепленный Старостин с двумя дежурными помощниками... Кто еще? — Да-а, одинокий часовой на въездных воротах. Видящая уже третьи сны Матрена Бутусова не в счет, хотя и расписывается в ведомости на жалованье по линии госбезопасности.

Хм-м, действительно, зачем большее число здоровенных мужиков, просиживающих свои синие галифе на дежурных табуретах дачи, которым куда более пристало те же танки водить, командовать ротами и батальонами? Или, поменяв галифе на партикулярные штаны, шуровать у домны, пахать землю, а у кого голова посветлее — инженерить.

И истеричку Каплан стрелять в меня, как в Ильича на заводе Михельсона, не решатся подослать. У кого вообще поднимется рука на владыку полумира, боготворимого миллиардами людей Вождя передовой страны социализма, рачительного хозяина 1/6 земной суши.

Нет, найдут более хитроумный способ. Но — найдут. Не зря же прощупывают ходы; вот и нелепо, наспех состряпанным «делом врачей» запугивают. Здесь даже ему, тайному идеалисту, обольщаться не следует. Так что проще хладнокровно разложить все по полочкам и определиться: за что меня убьют?

Проще всего ответить: за право власти. Высшей власти, которой я не поделился и делиться не собираюсь. Ради блага народа и сохранения страны, всего социалистического лагеря. Действительно, именно сейчас наступил тот момент, когда высшая власть кажется заманчивой и не очень хлопотной. Что-то в годы двадцатые — годы смертельной схватки с троцкизмом, в труднейшие тридцатые, когда я совершенно искренне говорил в ЦК и в Политбюро, что готов безропотно уступить власть более умному, более дальновидному и деятельному, что-то не находилось охотников. Про войну и годы послевоенного восстановления страны говорить не приходится...

Но вот сейчас мы на равных с империализмом, темпы нашего экономического и военного развития устойчиво выше ихних. Реально существует социалистический лагерь, включая великий Китай. Есть атомная бомба, а скоро в Арзамасе и Челябинске сделают и водородную. Скорее американцев, как говорят утвердительно наши академики, мы будем и в космическом пространстве. Мы — несокрушимы, народ сплочен, весь трудовой люд земного шара смотрит на нас с надеждой. Главное — внутри страны, в ее руководстве, даже среди вечно недовольной чем-то интеллигенции — нет и намека на какую-либо оппозицию, даже глухое сопротивление и неприятие нашей власти, идей социализма и коммунизма.

Вот эта-то стабильность, мощь страны и порождает искушение власти. Как в той же армии в военное и в мирное время. В войну, особенно в малоудачный для нас первый год, непрерывно атакующими и обороняющимися «ни шагу назад» батальонами командуют взамен выбывших капитаны, а зачастую и лейтенанты. И дивизионные штабные обер-офицеры не особенно-то стремятся заменить их, выровнять соответствие должности и звания. Зато в мирное время те же капитаны и лейтенанты командуют, как им положено по табелю о рангах, ротами и взводами, а на батальонах «сидят» те же ранжированные майоры и подполковники, день и ночь размышляя: как заполучить на погоны все три большие звезды...

Но стремление к власти, когда она представляется, как сейчас, не очень обременительной, всего лишь внешнее проявление моего грядущего отстранения. А отстранить меня можно только убив. Иначе народ всех этих заговорщиков-властолюбцев сметет. Даже такой законопослушный, как сегодняшний русский, советский народ.

Большие претензии ко мне имеют и сионисты. Но у нас они в малочислии и глубоко подполье. А у международного сионизма, во-первых, руки для действий в СССР коротки, во-вторых, у них сейчас своих хлопот с Израилем выше головы. Наконец, «пепел Клааса» — наша роль в войне с Германией — даже для самой беспринципной сионистской верхушки есть табу для каких-либо недружественных действий против нас. По крайней мере сейчас и в ближайшие десять-двадцать лет. Потом — все-таки я им подарил Израиль!

Нет, ищи своих будущих убийц среди домашних своих. Кремлевских тож. И вообще партноменклатуры. Более серьезного, страшного и последовательного врага у меня нет. Правильнее сказать: иных явных, действенных врагов нет. Выходит, что, начав на девятнадцатом съезде отлучение партийной верхушки от всеобъемлющей власти, я сам себе подписал смертный приговор. Как ранее сам же подписывал явным и непримиримым врагам нашей страны, нашего народа.

Много грехов на мне... правда, далеко не столько, раз в сто поменьше, чем мне со временем навешают, но грехи эти оправданы величием поставленной цели, которая уже и достигнута: построение мировой системы социализма, а в рамках ее наиглавнейшее — создание сверхмощной державы СССР. Здесь дело осталось за малым, но необходимым: накормить-таки досыта наш многострадальный народ. База здесь уже заложены, требуется не более пяти-семи лет. Самое обидное: избавятся от меня, а дело уже сделано, вот себе и припишут: дескать, стоило избавиться от тирана, как все пошло на лад, и линкоры с космическими ракетами строим, и народ от пуза лопает.

...Вот что значит ослабить бдительность: запомятовал за делами, что уже полтора десятка лет не проводилась чистка партийных рядов, особенно в высшем и среднем составе, и получил сплоченную орду зажавшихся — в отличие от народа — бюрократов и бездельников. А когда я им на съезде почти иносказательно, но объяснил, что будя, пора переходить от партийно-кадильных церемоний и увлекательных игр «улица на улицу», где проигравшие расплачиваются не синяками и шишками, но чекисткой пулей в затылок, к более полезным занятием, так это змеино-паучье гнездо и

зашевелилось. Кому же охота от ношения портфелей со старыми номерами «Правды» и «Известий» и заседаний на Старой площади ехать на стройки, головой и должностью отвечать на промахи?

А свою силу партноменклатура в порядке предупреждения, как волк свои клыки, показала в сфабрикованных ею на пустом месте «ленинградском деле» и нелепейшем «деле врачей». Сожрали Вознесенского и Кузнецова, что он прочил в свои преемники, хотя и у этой парочки рыльца достаточно в пуху. Не зря Лаврентий намекал, не раз, что смерть Жданова — дело темное, а каким-то образом здесь фигурировали Вознесенский с Кузнецовым...

Вот они — кровавые игры рвущейся к самой полной власти партноменклатуры, вот оно — многозначительное предупреждение мне. И как сиял своим детско-бабьим лицом Маленков после расстрела ленинградцев?

*И лихой огонь веселья
На младом лице пылал.*

...Где-то я дал слабину, что в самое короткое время выросла такая тысячеголовая гидра. Вот она, многотонная шапка Мономаха. Архитрудно, как бы сказал Ильич, эту шапку водрузить на свою голову. Немыслимо тяжело ее нести по жизни борьбы и побед, но еще труднее стократ удержать ее в старости. Особенно когда у тебя нет законного наследника.

Убьют так убьют. Чему бывать, того не миновать. Хм-м, еще про повешенного и утопленника в ночи вспомни! В моем возрасте, хотя для кавказца и маловато, уже пристало думать не о самом процессе ухода из этого, не лучшего из миров, но о памятнике. Нет, не о тех серийно изготовленных изваяниях из бронзы и гранита, что в одинаковых шинелях, сапогах и фуражках молча стоят по городам и весям великой страны. Даже на развилке канала Москва — Волга, даже самый северный памятник над пирсом столицы Северного флота Полярного. На Земле Франца-Иосифа, где стоит наша дивизия первого удара по Исландии с ее базами, пока еще не догадались поставить...

Нет, конечно, пристало думать о нерукотворном, по Пушкину, памятнике. Но этот памятник странно будет смотреться. Светлый луч всенародного боготворенья намного выше Александрийского столпа взметнется и уйдет в космос, где уже займут к тому времени свои орбиты советские космические станции, о которых писал еще калужский учитель Циолковский, а сейчас с техдокументацией в руках говорит Королев.

Но другой, темный и прилипчивый луч проклятья ему уйдет глубоко под землю, глубже всех могил мира.

Итак, меня будут проклипать... и боготворить. Ныне живущие и их потомки разделятся на два непримиримых стана. Проклинающих значительно меньше, но они голосистее, в их руках почти всегда будет четвертая власть — пресса во всех ее ипостасях. Очень часто и три законно-реальные власти будут находиться у них. Итак, кто в этот стан войдет? — Прежде всего, это все та же партноменклатура, что уберет меня. Она сейчас, особенно после съезда, испытала такой мощный испуг, который не пройдет у них до конца дней. Они, взяв власть, или примазавшись, перекинувшись к ней, будут мстить мне последовательно, яро и слепо. Продажная, даже не обязательно по деньгам, но по вектору власти, пресса, эта управляемая четвертая власть, сумеет два-три поколения одурить, сделать мое имя пугалом.

Это будет настолько серьезное, организованное давление, что в лучшем случае промолчат в тряпочку даже мои испытанные, преданные соратники. Да их сразу и задвинут в тень, а наиболее одиозных из них, того же Лаврентия, просто уберут, про-

вернув какое-нибудь «сталинское дело». А поскольку именно у этой высшей партноменклатуры руки по локоть в крови из-за их групповых драчек за власть, особенно за последние пять-семь лет, они применяют испытанный бандитско-воровской прием. То есть, в течение достаточно малого числа лет отмоют свое кроваво-интриганское прошлое показательными устранениями или отстранениями неких «антипартийных групп», сваливая на них «преступления сталинского режима».

Прием хорошо известный в банковско-спекулятивном деле. Да это и я, и они сами хорошо помнят по предреволюционному подполью, когда приходилось легализовывать деньги на содержание партии и ее работу — деньги, полученные от «эксов» и от толстосумов навроде Морозова, то есть, купцов из староверов, для которых царская власть и государственное православие-никонианство были врагами почище, нежели угрожающие их денежным мешкам революционеры. Кстати, мы — люди, помнящие добро, потому за все время советской власти из всех конфессий и сект только староверов и не дергали. Даже скитников в Заволжье и Сибири. В память о тех же купцах морозовых.

...А прием хорошо отработанный. Сдаешь деньги через подставное лицо в один банк; тот переводит на другую личность в следующий и так далее. Уже на третьем-четвертом переводе концы в воду, никакая жандармерия или фининспекция их не найдет. Так и эти: последовательно будут друг на дружку валить, а одуроченный народ поверит.

Итак, главные ненавистники мои — напуганная партверхушка. Но если есть главные, то логично предполагать и других, так сказать второстепенные. Хотя как сказать? Второстепенные ли? — Это, прежде всего, затаившиеся троцкисты и подростки потомки этой, обезглавленной в двадцатые-тридцатые годы гидры. Кровная месть в чести не только у нас, на диком и вольнолюбивом Кавказе. Этот биологический атавизм присущ даже гниловатой русской и русскоязычной интеллигенции, даже сплющенозадым партчиновникам. Эти будут мстить до седьмого поколения, проклиная меня ежесуточно и даже чаще, чем правоверный мусульманин творит свой намаз.

*Пел жаворонок, из полей
Взвиваясь выше облаков,
А сладкозвучный соловей
Так заливался из кустов...*

Конечно, самыми жаворонками и сладкозвучными соловьями, садистами, проклинающими меня, безусловно окажутся представители так называемой творческой интеллигенции. Все эти второсортные писаки, что пролезли мимо Горького и Фадеева в кормушку Союза писателей. Потенциально склонные к физической и духовной педерастии киношники и театральщики. Мечтающие о миллионных гонорарах мазил-импрессионистов, «великих» Дали и Пикассо нынешние живописцы-станковисты, тиражирующие огромные полотна (платят-то за число квадратных метров!): «Товарищ Сталин в полях», «Великий Вождь на стройке светлого будущего»... Тьфу!

И, конечно, в первую очередь — вечно проституирующая пресса: газеты, журналы, всесоюзное радио и нарождающийся монстр телевидения. Много их будет, меня проклинающих. Даже много не числом, но профессиональным умением обливать грязью все, даже самое святое в прошлом и нынешнем великой страны.

...Но меня будут боготворить многие, намного больше числом хулителей. В спокойные для страны времена, пока алчные временщики еще не проели, не пропили, не прос... сталинское наследие, они вынуждены будут молчать, а на людях даже поддакивая антисталинскому агитпропу. Но как только настанут волчьи времена, что тем-

нее и зловещее этой ночи за окнами дачи, так молчащие обретут голос. И чем сильнее захватившая власть контрреволюция, или троцкисты, или просто бандитско-воровской кооператив, станет угнетать народ, превращая его в стадо тощих баранов, тем чаще и явственнее будет звучать по всей, оставшейся великой только по территории, стране: «*Сталина на вас нет!*»

И в этом девизе превалирует вовсе не воспоминание-напоминание о тридцать седьмом годе, будь Николка Ежов не к ночи помянут, нет... в этом восклицании будет подразумеваться: Вождь — хозяин страны, ее охранитель и создатель. Хм-м, генералиссимус и почти что архистратиг Михаил. Что ж, без напускной скромности и лицемерия согласен остаться в вечно живой памяти народа таким символом Вождя, каковым уже и сейчас являюсь. Ничего здесь зазорного нет. Ведь не украл чужой славы, но свою создал. Получил Россию с сохой, а теперь сдаю с атомной бомбой. Все же самый последовательный и непримиримый враг Советской страны Черчилль сделал и самый же умный комплимент товарищу Сталину.

Высшая оценка состоявшейся жизни человека — когда имя его становится символом еще при его жизни. Но трижды, семижды выше эта оценка, если этот символ-имя уходит в грядущую историю, остается в ее непрерывном течении навечно. Нескольким дикуватое ощущение еще живущего человека, когда его имя отделяется от него. Верно вроде сказал некто умудренный: первую половину жизни человек работает на имя, а во вторую половину имя работает на него. Не в том смысле, конечно, что этот человек начинает паразитировать на созданном имени. Нет, надо понимать так, что, создав себе имя, деятельный человек уже одним именем-символом стократ усиливает успех своей деятельности. Таким я и себя считаю.

О-хо-хо-хо, раззевалось. Все, дальше бороться со сном невозможно. Да и не нужно, ибо сон при таких вяло-простудных хворях лучшее лекарство. Всю-то жизнь я не досыпал. И в Гражданскую, и в Отечественную. Да и между ними в промежутке двадцатилетнем, и в эти семь лет после окончания войны тоже не барствовал, не разлеживался. А организм на всю жизнь оставшуюся (сколько же ее осталось?) со времени Великой войны сместил биологические часы сна на вторую половину ночи и позднее утро. Виноват, конечно, но уж так получилось...

Однако за эти три часа полусна-полуяви, как молитву повторяя все основные вехи многотрудной жизни, все одно не охватил ее, многое упустил. Ничего, пару недель здесь пробуду, как-нибудь, освободив себе полночи от дел, все в памяти приведу в полный и стройный порядок...

Однако товарищу Сталину до первого марта 1953-го года свободного времени так и не выпало.

*Раскрылся розовый бутон,
Прильнув к фиалке голубой,
И под веселым ветерком
Клонились ландыши с травой.*

ЭПИЛОГ: «ОСЕНЬ ПАТРИАРХА»

Зима в этом году Россию порадовала; даже в Центральной европейской части: январь с морозом, февраль уже перевалил за середину — и настоящая, уже полузабытая с прошлого века и тысячелетия, февральская погода: умеренный морозец, в соседней Москве рекорд снегопадения чуть ли не со Смутного времени, иногда поземка стелется. Самая веселая погода для собак — у них свадьбы начинаются, кобели вязанками резво бегают. Агитаторы партийные в нашем городе тоже оживились: в се-

редине марта в городе ожидается большая свадьба власти: муниципальные выборы в гордому. Я хотя всю жизнь беспартийный, но и меня погода радует: напоминает детство, отрочество и юность, проведенные в Заполярье.

Сегодня — пишу главы книги вразнобой, такая вот манера, прямо с середины повествования перескочил к эпилогу... — канун бывшего Дня бывших Советской Армии и Военно-Морского флота. Новое, псевдотолерантное наименование для 23-го февраля как-то ко мне не прижилось. Первую половину сегодняшнего выходного дня провел у себя в рабочем кабинете медицинского института, сочинял заявку на патентование способа лечения: смех и грех, почти как в ежеутренней — с восьми ноль-ноль до полудня — непрерывной рекламе на «Радио России» из кухонного репродуктора: от всех хворей сразу... Затем пошел домой — уже сочинять книгу о Вожде.

...Вот это «Радио России», кстати. Домой после сегодняшней неторопливой пешей прогулки по парку пришел, обедаю, а из репродуктора дикторша полным счастьем голо-сом предпраздничную передачу вещает. И какое же она событие, приуроченное к завтрашнему празднику, особо выделяет? Не поверите, если сами не услышали: оказывается, главное событие — поставка в дружественную Индию первой партии палубных «мигов»-истребителей для ранее проданного им же авианосца «Адмирал Горшков», переименованного смуглокожими курчавыми друзьями во «Всемогущий». На хинди, конечно, буквами ихней азбуки «девангири» на бортах вывели.

А в голосе восторженной дикторши так и чувствуется непреклонная логика: раз все авианосцы продали, то зачем нам самим палубные истребители? Вот тебе и расхожее утверждение об отсутствии логики у женщин.

Поскольку сам я человек военно-морского воспитания, то, чтобы давление от возмущения не повысилось, выдернул (как врач Моргулис у Высоцкого) штепсель репродуктора, взял в руки для спокойствия дармовую газетку правящей партии, что перед выборами в почтовые ящики пачками — от разных партий и движений — втискивают. Хлебаю борщ и в газетку смотрю. И прямо в глаза «шапка» полосы: «*Нашим адмиралам «Мистраль» понравился!*» Ниже фото: штук десять явно бескорабельных, то есть, безработных, российских адмиралов спускаются по трапу с французского вертолетоносца проекта «Мистраль», что галлы серийно штампуют для береговой обороны. В тексте же комментарии: премьер-министр России высказывается в том смысле, что мы прямо сейчас вроде как не собираемся «Мистраль» покупать, но в дальнейшем этого не исключаем.

Где ты, логика? Какая к черту логика, мы давно живем в виртуальном, перевернутом мире, в Зазеркалье. Продать за гроши, которые к тому же разворуют, стратегический авианосец и купить каботажную серийную посудину? Дело даже не в таком явном диспаритете. Дело в другом: каким невероятным трудом, экономией на всем, что выходит за пределы среднестатистического жизненного, социального уровня, пробивала Советская страна, следуя заветам Сталина, путь в океан, строила авианосцы — мощные и страшно дорогие плавающие крепости. А сейчас даже оперативно-тактические среднестатистические вертолетоносцы разучились делать...

Все же, не дохлебав борщ, сразу потерявший вкус, пошел прилечь на диван; полчасика легкого сна бодрит на весь рабочий вечер. А в комнате с диваном супруга, по женской опять же толерантности уже попривыкшая к зазеркальной реальности и ничему не удивляющаяся, смотрит по вечернему времени в телевизор. Как ни странно, но на сей раз все же удивляется: «Надо же? Раньше такого не показывали; раскрывают нам глаза...» И прочее, простительное для слабого (и умом, увы, тоже) пола. Заинтересовался и тоже в телящик взглянул: чем это женщин в предпраздничный — накануне того самого «Защитника Отечества» — день энтэвэшники удивляют? А удивляют, как оказалось, настоящим боевым фильмецом: про уволенного из рядов армии снайпера, который от потери пенсии свихнулся и начал всех подряд в городе стрелять.

Как ни странно, но этот «фильм к празднику» снял эмоции. На кого яриться-то? Ведь вторая древнейшая — пресса и первая новейшая — телевидение просто работают, добросовестно выполняют заказ. От кого? — Они не то что не скажут, они и сами не знают. Ведь мы уже в глобализованном мире живем, где нет ни начала, ни логического завершения. Поскольку же только восемь процентов людей могут мыслить самостоятельно, то остальные девяносто два вполне удовлетворятся тем газетным пояснением к снимку с «Мистралем»: дескать, неважно, где корабль построен, главное, что он будет охранять наши морские просторы. Вернее — берега; просторы оберегает океанский флот, что укатил в Индию. И для примера приводят: героический «Варяг» построен в Филадельфии, «Потемкин» тоже иномарка по нынешним временам, ибо сооружен в самостийном сейчас Николаеве. Только «Аврора» своя, в Питере сгношили. Хорошо хоть символ Октября нашенским оказался!

*Он песней заставил забиться
Вдруг ставшие камнем сердца;
Будил в людях совесть и разум,
Дремавший во тьме без конца —*

— Повторим еще раз эти строки Вождя-идеалиста. Как бы он ни предчувствовал возможную контрреволюцию, в то же время подписывая «секретку» из Госплана по наметкам закладки линкоров и авианосцев в перспективе до шестидесятого года, но сообщения *СМИ* сегодняшнего, «предзащитного» дня заставили бы его усомниться в собственном разуме. В лучшем случае воспринял бы это как кошмарный сон. Из тех, что снятся под утро высокотемпературным больным...

Однако же по всем, не отменяемым даже современными российскими сочинителями-пиарщиками с их «голубыми субпродуктами», литературным канонам эпилог должен содержать вывод автора из написанного им выше в романе. Почему «Катехизис идеалиста»? — С катехизисом проще, хотя слово не православное, из католического обихода. Но вот с идеализмом вроде как сугубого практика строительства социализма в отдельно взятой стране — как быть? Тем более, что в последние десять-двадцать лет столько написано книг о Вожде, что Сталиниана вряд ли уместится в стандартном книжном шкафу. И все эти книги, без исключения, даже вроде беллетристического «Тайного советника» Владимира Успенского и нашего «Историка»*, посвящены этой практике строительства и обороны страны.

Практика, фактология, цитаты из трудов Вождя, ссылки на документы — все это мы найдем в исчерпывающей полноте в современной Сталиниане. Может, поэтому мы выше, в романе, свели эту фактологию до *minimum minimorum*. Просто вспомнили ряд моментов не столь широко известных.

Так почему идеалист? А вы перечитайте приведенную выше строфу из юношеского стихотворения Сосепо Джугашвили. Скептик скажет: то юноша-семинарист, только-только отошедший от беспросветного детства в семье вечно пьяного сапожника Виссариона. Любой школьный психолог, даже не ссылаясь на Выготского и Фрейда, Ушинского и Вахтерова, подтвердит: с таким детством, в такой юности только и быть романтиком-идеалистом. И совсем другое дело — властелин полумира, обожаемый миллиардами людей во всем мире генералиссимус, главный персонаж эпического мифа о *ГУЛАГ*^е, так кроваво-поэтично представленного в томах Александра Исаича — каждый толще «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых. Какой здесь может присниться идеализм?

* Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях. — Тула: «Гриф и К», 2004. — 481 с. (Книга удостоена литературных премий им. Л.Н.Толстого и им. Валентина Пикуля). — Прим. авт.

Но психолог, который того же Выготского с сотоварищи разных времен и народов не только к экзаменам в институте-университете пролистывал, а прочувствовал умом и душой, то есть, стал сугубым профессионалом, авторитетно скажет: характер человека в основе своей формируется уже к пятилетнему возрасту, а дальше ничем его изменить нельзя. Все видимые же изменения, как у разведчиков, карьеристов из чиновников, партайгеноссе и военных, профессиональных нищих и женщин,— только маска. Если и теперь кто сомневается — перелистните эту книгу назад и еще раз внимательно перечитайте стихи Сосепо Джугашвили...

Идеалистом и романтиком с восточно-кавказским *color local* был юный Сосепо-семинарист; таким же, только с уже изжитым *color local*, с приобретенным русским колоритом романтизма, остался и генералиссимус Иосиф Сталин.

*Когда средь рощи безмятежной
Бушуют трели соловья,
И саламури голос нежный
Звучит, восторга не тая...—*

Это Сосепо, еще не знающий той великой роли, которую предуготовила ему судьба: бросила кости в нардах и выбрала одного из многих, но не миллионов, конечно, даже не тысяч. Скорее нескольких десятков. А вот Великий Вождь с оставшимся, неизбывным идеализмом романтика:

*Но как с поля донесется
Песня-гимн людей труда,
Сердце юное забьется
У Ниники, как тогда.*

И мы добавим, уже слабо верящие в будущее средние поколения воспитанных советской эпохой — эпохой Сталина даже без него, когда он стал фигурой умолчания:

*И пусть страна подобных Эристави
Еще немало вырастет сынов!*

Где-то они, наши будущие Вожди? Будет ли у России, естественно — новой Советской России, третий генералиссимус после Александра Васильевича, которому, как бессмертному в памяти русский, только что исполнилось 280 лет со дня рождения*, и Иосифа Виссарионовича, 130-летнюю годовщину со дня рождения мы тоже только что отметили? И вообще — будет ли нужда в великих государственных мужах, военно-политических стратегах, Вождях народов в самое уже ближайшее время полного торжества глобализма?

Ну и что здесь такого — глобализм? При глобализме будут другие люди, для которых такая организация мироустройства вполне приемлемая, главное — привычная. Им же наши заботы ни к чему. Вне всякого сомнения, такой пронизательный и намного вперед видящий человек, как Сталин, не исключал возможного — ныне сбывающегося — поворота мировой истории. Скорее всего даже уверен в этом был.

* Широко известный биографический казус: в различных источниках, причем серьезных — энциклопедиях и академических изданиях СССР, указывают два «варианта» даты его рождения: 13 ноября 1729 года и 13 ноября 1730 года... Еще заметим в данном контексте: Петр Первый, любивший «импортные» звания, сгоряча дал титул генералиссимуса руководителю Второго Азовского похода (сам он в нем состоял в звании капитана роты...) Алексею Семеновичу Шеину из старинного боярского литовского рода. Конечно, честь ему и хвала, но это фигура иного плана.— Прим. авт.

И в том-то характер и душа идеалиста, что он *не фетишизирует неизбежности естественных законов*, как сам Сталин писал, правда, по другому поводу, в «Экономических проблемах социализма в СССР», но старается созидательно и с максимальной пользой их использовать на том временном отрезке истории, где судьба дала ему возможность это делать: совершать и свершать.

Данный роман ни в коем случае не является апологией главного и единственного ее героя. Да Вождь в ней и сейчас не нуждается, и не будет нуждаться далее в бессмертных анналах Большой Истории. Забудут скоро эпических сочинителей «песен и сказаний о ГУЛАГе», напроць будут путать имена его ниспровергателей с игроками в футбол или хоккей уже сейчас подрастающие поколения. Казалось бы: гробокопатель Вождя Никита Хрущев. А нынешние школяры и студюозусы (не забывайте: автор этой книги действующий профессор), доведенные пресловутым «Болонским процессом» до уровня полной умственной ничтожности среднестатистического американского обывателя, на вопрос о персоналии Хрущева тупо молчат. Самые умные путают его со «вторым Ильичем». Нет худа без добра, но забыть Сталина им во многом не позволяют современные СМИ. Запомнили, что ли, телевизионщики свой же девиз: отрицательная реклама — самая эффективная реклама!

Цель же и задачи, что преследовал автор в этой книге,— предоставить слово Сталину: Вождю и земному человеку, сыну земной женщины, который, подобно провозвестнику христианской эры Земли, «не мир, но меч» принес нам.— В том же толковании этих евангельских слов. Оба они являют собой «классику» идеализма. При всей непохожести их поступков, но объединенных в одном, самом главном: создании общества социальной справедливости и равенства.

Иисус Христос был первым коммунистом — так определил Мессию наш современник Г. А. Зюганов. Но, несомненно, имевший незаконченное среднее духовное образование Сталин это знал намного раньше Геннадия Андреевича. Не в обиду ему будет сказано. Идеал христианства, заложенный в Заповедях Христовых, был заведомо недостаточным. С этой точки зрения Христос — величайший идеалист древности. Но он заставил большую часть человечества две тысячи лет в той или иной мере стремиться к идеалу социальной справедливости и равенства. Но на этапе капитализма-империализма эра христианства исчерпала себя.

Иосиф Сталин — первый идеалист новой эры, органически воспринявший сущность христианской идеи, но преломившей ее из слова в дело. Очень точно и мудро определил это один из иерархов русской православной церкви во время той памятной беседы сорок третьего года со Сталиным, с которой началось возрождение РПЦ: «Мы готовим священников, а они становятся Маршалами Советского Союза». Вот именно, к идеалам социальной справедливости в новую эру устремляются уже не с евангельской проповедью заблудшим душам посланцы Всевышнего, но с мечом защищающим и карающим Маршалы из народа, народом и поставленные в Вожди.

...Короткая жизнь человека обыкновенного:

*А теперь не ходят ноги,—
Время гнет и не щадит;
Старец дряхлый и убогий
Дома с внуками сидит.*

Но у деятельного человека до убогости, дряхлости и домашнего сидения не доходит, если даже физически он и чувствует порой немощь. Слишком ценен такой человек; история такими не разбрасывается. Однако все же приходит осень патриарха. Мы специально взяли подзаголовком эпилога и в кавычках название известного произведения выдающегося латиноамериканского писателя. Оно давно уже стало

характерной литературной формулой, так что растолковывать умному читателю (а другой дальше титульного листа и не пойдет...) незачем.

Осень патриарха — достаточно сложное состояние деятельного человека, тем более идеалиста и совсем уж особенно — Сталина. Ввиду выраженной неординарности и исторической значимости мыслей, дел и наследия Вождя.

...Еще раз заметим: эта книга пишется не для убогих умом и душой, которых сейчас в стране, да и во всем мире большинство. Не их, бедных, в этом вина, попавших в капкан зубодробительной машины глобализма. Умный же и самодостаточно мыслящий, а это всего лишь один из десяти, читатель поймет символику словосочетания «осень патриарха».

Прежде всего — это пугающее одиночество при, казалось бы, великой славе, когда его имя на устах и в умах миллионов, миллиардов людей. Дела патриарха велики и накрепко высечены на скрижалях истории, но он понимает: его имя ему уже не принадлежит. Он еще может учить, направлять к своему идеалу, но ученики и ведомые им, его апостолы считают себя овладевшими всем искусством учителя, уже в мыслях своих ставят себя на место патриарха. Но робеют пока. А ведь им не вечно робеть? — Патриархи вечно не живут, а у апостолов тоже года не Мафусаиловы.

Патриарх и сам прекрасно понимает: надо постепенно отходить от активных дел, выбирать преемника или синедрин преемников, но он как-то не озабочился такового или таких взрастить загодя, а сейчас с мистическим ужасом видит: апостолы-то не оправдывают его надежд, не смогут они взять ту высокую планку, что он установил для роли патриарха.

Такова трагедия истинного идеалиста. Оптимистическая ли трагедия? — Смотря для кого. Для самого патриарха-идеалиста это уже не вопрос. По понятной причине. Для верных апостолов — да, оптимистическая, хотя теперь им нести крест и быть поочередно распятыми на нем. Для ведомых масс — да. Исключая, таким образом, иудинных духовных потомков, этих вечно живых и выживающих предателей, для всех трагедия идеалиста, так и не достигшего высшей своей цели, есть персонифицированный символ устремленности к высшей цели, самому оправданию эволюции человека: социальной справедливости, равенству, понимаемому как равенство стартовых возможностей.

Без великих идеалистов даже сверхнаселенный людьми мир уподобится марсианской пустыне. Прежде всего — пустыне души.

Ощущал ли наш Великий Вождь свою осень патриарха? — Вне всякого сомнения. Но даже намеком, движением бровей не показывая это даже ближайшему политическому, военному и государственному руководству. Иначе бы это был не Сталин. Чудесный образ старца Ниники был создан юным романтиком Сосепо. Помнил о нем и Генералиссимус, оставшийся величайшим в мире идеалистом, но увы, слишком большую ношу он на себя взял, потому не мог себе позволить незатейливую отдохновенную старость Ниники... Проживи Вождь еще лет десять-двадцать, может, и стал бы Ниникой, может и воспоминания бы написал в назидание Вождям, но — уход его из этого, не лучшего из миров случился внезапным. Никогда мы не узнаем его последних мыслей; быть может он про себя, уже отъединенный от мира людей, шептал:

*Ты над Казбеком с нежною улыбкой,
Его снега и льдины под тобой,
Склонись, как мать склоняется над
зыбкой,
И тихо колыбельную пропой...*

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

РЕВОЛЮЦИЯ. ОКТЯБРЬ. ЕСЕНИН
К 100-летию Великой Октябрьской
социалистической революции

Родился в Рязанской области в 1949 году. Живет в городе Тольятти. На предприятии «КуйбышевАзот» прошел трудовой путь от аппаратчика до главного специалиста. Стихи и проза опубликованы во многих журналах, альманахах, сборниках поэзии. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат-победитель 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей — 2013, 2014, 2015» и 1-го Международного поэтического Интернет-конкурса «Звезда полей — 2016» им. Н. Рубцова. Лауреат литературного конкурса одного стихотворения — 2016 альманаха «Новый енисейский литератор» (г. Красноярск). Член Российского союза профессиональных литераторов.

В октябре 1925 года гениальный поэт России Сергей Есенин написал в своей автобиографии: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном». Мне понятно, что хотел сказать этим уточнением поэт, и потому вспоминаются строки его другого произведения, написанного немногим ранее, в 1924 году:

*Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.*

Вспоминается и памятник Сергею Есенину, установленный поэту в Рязани. Уже тогда, несколько лет назад, когда я увидел памятник воочию впервые, мне показалось, что и взгляд радостно-открытых глаз Есенина, и то, как он раскинул руки, стоя на угоре перед окскими лугами, наполнено надеждой на будущее родины. Наконец-то скинула с себя «воспрянувшая Русь» всю гниль и темноту прошлого! И я как будто услышал радостное восклицание поэта:

*О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными временами
Встает иная степь.*

Петроград. 1917 год. Есенину всего 22 года, а в жизнь его ворвались и захлестнули тревоги и житейские бури, грохот революции. 1917 год стал переломным этапом в жизни всей России. И вполне естественно, что когда рушилась эпоха капитализма, а на смену ей шла неизвестная, да и многим непонятная эпоха социализма, перемены,

происходящие в стране, заполняли головы людей «сплошным дымом», и как тут можно было понять, «куда несет нас рок событий». Несомненно, душевный переворот, мучительную тревогу и надежды принес семнадцатый год и в творчество Сергея Есенина. Поэт полон радужных чувств, дум и мечтаний о новой, воображаемой жизни, которая придет на смену старому, отжившему царизму. Есенин бесстрашно выходит навстречу свежему ветру революционной поры, полной грудью дышит воздухом свободы.

А ведь совсем недавно, незадолго до революционных событий, буквально в конце 1916 года, по Петрограду поползли «чудовищные слухи»: Сергей Есенин был принят Александрой Федоровной в Царскосельском дворце. А после чтения стихов получил от Императрицы разрешение посвятить ей цикл стихотворений в своей новой книге!

Возмущению «передовой общественности» не было предела. Огромная волна против поэта прокатилась в либеральных кругах Петрограда. Есенин был записан в ренегаты. Но... Случилась Февральская революция! И каким-то чудом Есенин успел снять посвящение государыне в изданной в это время книжке «Голубень». Осталось всего несколько экземпляров с роковым: «Благоговейно посвящаю...». К счастью, это были только корректурные оттиски. А ведь не произойди революции, двери большинства издательств России могли навсегда закрыться для поэта. В то время либеральная общественность не прощала таких «преступлений», как «монархические чувства». Революция же, исправив и разрушив это загадочное поведение Сергея Есенина, освободила его от неизбежных либеральных репрессий литературной столицы России.

А странное противоречие Февральской революции состояло еще и в том, что все-либеральная противомонархическая оппозиция либеральной буржуазии, свергнув самодержавие и получив в руки власть, оказалась бессильной и бестолковой, чтобы удержать ее в своих руках. И поэтому Есенину, как в народе говорится, было «плевать с колокольни» на либералов Временного правительства. Он уже прекрасно понял, что «настоящая власть» находится в особняке Кшесинской, в «совете рабочих, крестьянских и солдатских» депутатов...

Большевики, имея своими лидерами таких блестящих вождей, как Ленин и Троцкий, действовали чрезвычайно решительно. Пока Керенский, пользуясь метафорой Есенина, «калифствовал», вещая о будущем России, они для «защиты завоеваний» революции, под прикрытием все тех же Советов, создают Красную гвардию, иными словами, штурмовые отряды, со своими штабами, с сотнями, десятками дружин. Титаническими усилиями Ленин сумел сконцентрировать силы и бросить их на решительный штурм власти, которая уже не была способна к сопротивлению. Октябрьская революция начинала свою «железную поступь» по стране.

И Есенин своим «крестьянским чутьем» понимает, что связи через Клюева, Горького, Бонч-Бруевича, которыми он к тому времени обзавелся, разветвляясь, поднимут его до самых «вершин» — Луначарского, Троцкого... до самого Ленина...

И кажется, что поэт вплотную приблизился к ВКП(б), еще немного... Но даже после Октябрьской революции Есенин не становится членом партии большевиков. Хотя все то, что было враждебно большевикам и левым эсерам в 1917 — 1918 годах — Временное правительство, Корнилов, Учредительное собрание и монархисты, меньшевики и банкиры, о чем они прямо заявляли, что это «контрреволюция», было враждебно и Есенину. Поэт возглашает с верой и в радостно-обновленном настроении:

*В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира...*

Он верит и знает, что Россия страдает, потому что на нее ополчились темные силы:

*Господи, я верую!
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.*

Так начиналась поэма «Пришествие», написанная Сергеем Есениным в октябре 1917 года. Русь, по Есенину, это то место, откуда в мир приходит последняя истина:

*За горой нехоженной,
В синеве долин,
Снова мне, о, Боже мой,
Предстает твой сын.
По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей Руси
Он несет свой крест.*

Поэт, пользуясь евангельскими именами и ходом евангельского повествования, совершенно иное значение вкладывает в повествование своей поэмы. И не просто вкладывает, а в каждом стихе бьется его душа, полная новых надежд и предчувствий.

*Холмы поют о чуде.
Про рай звенит песок.
О, верю, верю — будет
Телиться твой восток!*

Есенин торопит событие, боясь, что оно может не состояться. Ведь жизнь и смерть, борьба и поражения ходят рядом. Но душой поэт верит, что новая жизнь в России взойдет! И будет рождение и утверждение на земле нового человека, человека революционного времени.

Образ Христа, и надо отметить, задолго до Александра Блока («Двенадцать»), Сергей Есенин использовал в стихотворении «Товарищ». Написано оно в марте 1917 года. Это история о сыне простого петроградского рабочего, гнувшего спину на заводчика «с утра до вечера». Рабочего, учившего сына «распевать марсельезу» и учававшего его за «скудным обедом»:

*«Вырастешь,— говорил он,— поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»*

У сына рабочего были и «товарищи: Христос да кошка». Но вот «взметнулся российский народ...». И сошел Иисус с иконы «на землю с неколебимых рук», чтобы вместе с сыном рабочего идти на помощь борцам «за волю, за равенство, и труд!». Сраженного медной пулей Иисуса Христа хоронят на Марсовом поле. Гибнет в огне борьбы и сын рабочего, но жертвы не напрасны, в поэзии Есенина присутствует энергия мужественной силы, поэт верит в неминуемую и предстоящую победу рабочего класса:

*Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Ре-эс-пуу-ублика!»*

Почти одновременно со стихотворением «Товарищ» Есенин написал еще одно замечательное стихотворение, дышавшее свежестью, наполненное весенним настроением, вешними водами, верой в свою уже неизбежно восходящую звезду. Стихотворение «Разбуди меня завтра рано...» было напечатано в газете «Вечерняя звезда» рядом с призывами к гражданам об оказании отпора «германским белогвардейцам». «Каждый рабочий, каждая работница, каждый крестьянин и каждая крестьянка должны уметь стрелять. Из винтовки, из револьвера, из пулемета... На место старой армии ставит свободный народ свободную всеобщую армию свободных людей». На полях газеты рядом со стихами, кто-то написал (причем написано это еще в те годы): «АхъЕсенинь! Чудакъ!!!!»

Но поэт остается поэтом в любые времена, пусть даже и принимается за чудачество публикация его тонких, лирических стихов рядом с воззваниями, передовицами, предсказаниями о крахе, о прекращении движения поездов, с протестами против цензуры и т.д.

*Разбуди меня завтра рано,
О, моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.*

Есенин радушно встречал и свою поэтическую судьбу, мчащуюся навстречу поэту под звон колокольчика на золотой дуге, и будущее своей родины, несшее свет и радость, распахивающее новые светлые дали.

В этот период своего творчества Есенин очень сблизился с Александром Блоком. Учащаются их встречи, поэтов сближали раздумья о судьбах России, вера в силу и дух русского народа. И это, казалось бы, при разности их внутреннего мира, да и пути в революцию каждый из них выбирал свои. То, что Есенин и Блок встали на сторону Октября, отмежевало от них многих и многих литераторов.

Поэтому, наверно, такое неоднозначное отношение в литературной среде к поэме Есенина «Инония». Владислав Ходасевич высказался вполне конкретно и холодно: «Инония» была лебединой песней Есенина, как поэта революции и чаемой новой правды. Заблуждался он или нет, сходились или не сходились в его писаниях концы с концами, худо ли, хорошо ли,— как ни судить, а несомненно, что Есенин высказывал, «выпевал» многое из того, что носилось в тогдашнем катастрофическом воздухе. В этом смысле, если угодно, он действительно был «пророком». И далее Ходасевич уточняет:

«Инония реальная должна была настать — или не настать. По меньшей мере, Россия должна была к ней двинуться — или не двинуться».

Не знаю, как другие, но я, когда читаю «Инонию», слышу мелодию и слова известного мне гимна, который звучит рядом с поэмой Сергея Есенина. И предполагаю, что поэт в январе 1918 года еще не знал слов знакомого мне с юных лет гимна. Но, как бы то ни было, а возникающие внутренние ассоциации воспроизводят в сознании торжественные слова:

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.*

И вот, подтверждая мои навеянные воспоминаниями фантазии, Сергей Есенин торжественно заканчивает свою поэму словами:

*Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!*

Не пытаюсь понять творчества Есенина, злопыхатели продолжали утверждать, что «незадачливость Инонии — в свойстве дарования самого Есенина, от послушания — к богоборчеству. И потому выкрики Есенина в Инонии не действуют. В старину это звалось кликушеством, ныне зовут это истерией.

*Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта».*

Это высказывание Ф. В. Иванова — критика, писателя. Бывшего белого офицера, эмигранта первой волны, ненавидевшего революцию, политику. Он имел свое личностное, заостренное отношение к творчеству Есенина.

Эмигрантам, покинувшим родину с обидой и ненавистью, не понять радостного настроения поэта от свершившегося в Октябре. Поэта, парившего над землей. Это действительно полет вдохновенного переменами поэта, поверившего без оглядки в радость обновления, которого он ждет от революции. И тем острее будет ощущаться разочарование, которое придет через два-три года, и которое до трагического конца не отпустит его душу, в ней будут копиться пустота, обида и одиночество. Ведь Россия не стала градом Инонией. Проницательность поэта Сергея Есенина, которая была неотъемлемой частью его совести, мучила и жгла его душу.

Есенин в «Инонии» показал крестьянский рай, мечты, которые поэт с детства усвоил в деревенской среде из разговоров константиновских мужиков. Без знания русской деревни узнать Россию вообще нельзя. А в этом и проявилось единство родины и судьбы незаурядного, гениального поэта.

Поэтому и казалось Есенину, что вот наконец-то, революция исполнит все чаяния русских мужиков — вся земля — крестьянская, «божья», воля и достаток. И эта идеальная картина раздвигается им до мировых масштабов. И эти масштабы дают ему право считать себя прорицателем и пророком. Он обращается к Америке, предсказывая ей гибель. И, по убеждению поэта, русская революция вмешается и переиначит на патриархальный лад Америку. И счастье человеку будет принесено «только водью свободной Ладогои», а не чугунной радугой и железными кораблями, не лавой стальной руды.

Идеальный мир для Есенина — это свободный труд крестьянской жизни, и его утверждает революция в России, а потом и во вселенной. И верится, что мысли, слова поэта искренни, все выливается из души, окрыленной думой с надеждой, которая вела революционный народ России в земной рай.

Первые послеоктябрьские годы стали исключительно тяжелыми для молодой Советской республики. Интервенция, белогвардейщина, контрреволюционные мятежи, заговоры, диверсии, разруха. Производство остановлено, эпидемии, голод.

Введена продразверстка, и ропот крестьянства, если не сказать более конкретно — повальное недовольство, перерастает в восстания. В сложной обстановке, после феерии, надежд и радости, Есенин растерялся. Вместо сказочной земли Инонии и ожидаемого «мужицкого» рая поэт оказался «в развороченном бурей быте», обезображенном братоубийственной войной, голодом и разрухой. Но нет ни злаченых нив со стадом буланых коней, ни золотых шапок гор...

Поэт в отчаянии от действительности. Деревни пустеют, в избах выбиты окна, двери, поля засеяны стужей и пургой.

*Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?*

Как бурное весеннее половодье заливают луга, прибрежные леса, деревни, так и разруха заполняла все пространство России. Страна теряла былую силу. Сергей Есенин ранней весной 1918 года едет в Константиново, взглянуть и понять, чем и как живет его родное село. Увидел и не узнал старого, патриархального Константиново. Дезертиры, бежавшие из армии Временного правительства, амнистированные уголовники, вышедшие на свободу «политические». Вся эта публика ведет себя агрессивно, устраивая митинги и сходки. Есенин посещает сборища деревенской бедноты, но сам не выступает, больше слушает. А разговоры и требования почти одни и те же на всех митингах. Крестьяне требуют отдать всю землю безоговорочно и как можно быстрее.

Пожалуй, лишь одно сообщение из эсеровской газеты «Знамя труда» того времени прольет свет на события, которые прокатились по всей России весной 1918 года. Сообщение помещено под заголовком: «Как проходит земельная реформа на местах». «Разгромлено имение Вяземского, оцениваемое до 50 миллионов руб. Сады вырублены, оранжереи разбиты, племенной скот часто резался. До 200 рысистых лошадей были уведены, и большинство из них на крестьянских кормах передохло».

Взглянул и понял Есенин, что действительность далека от «тихого шепота речки», не «капает и песня с гор». Небо затянуто черными тучами, по полю скачет всепоглощающая стужа.

*...скачет по полю стужа,
Окна выбиты, настезь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.*

Есенин в отчаянии:

*О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?*

Безвременьем разорвана «завязь человека с природой». Страшные видения видятся поэту в «Кобыльях кораблях»: «сестры-суки и братья-кобели» отторгнуты, «человек съел дитя волчицы». И обращаясь к нынешней власти Советской России, не понимающий этих страшных видений, поэт восклицает:

*Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.*

А говоря со зверями, как обычно, как с «братьями нашими меньшими», он призывает их к добру, потому что не верит в добро людей, допустивших запустение и голод в стране.

*Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять с земли
В сумасшедшего ближнего камень.*

Исток есенинского отчаяния, а в конечном итоге, драмы поэта — в несбывшейся мечте, в крушении иллюзий о «чаемом граде»: «Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал...» Но разве вина поэта в том, что он заблуждался, да впрочем, не он один, а было их много, восторженных мечтателей, поверивших в мгновенное преображение старого мира в земной рай. Не верил Есенин и в «смычку» города и деревни, видел в ней гибель, а не спасение крестьянской Руси. И совершенно не

случайно выбрал название для своего стихотворения «Сорокоуст», стихотворения, действительно звучащего, как молитва по усопшему.

*Милый, милый, смешной дуралей,
Но куда он, куда он гонится?*

Да разве угнаться деревенскому, красногривому жеребенку за бегущим на чугунных лапах поездом, храпящему железной ноздрей. Валерий Брюсов высоко оценил стихотворение Сергея Есенина, говоря, что оно «самое лучшее из всего, что появилось в русской поэзии за последних два или три года».

Тогда многим показалось, что душа Есенина ожесточилась, «последний поэт деревни» вдруг становится беззаботным забулдыгой, забубенной головушкой. Но за бравадой не скроешь тонкую, воспринимающую чужую боль, душу. А. Н. Толстой очень точно уловил происходящие в душе поэта борьбу и смятение:

«Милый, талантливый Есенин, никогда, сроду не были вы конокрадом и не стаивали с кистенем в голубой степи... Кому нужно, чтобы вы изо всей мочи притворялись хулиганом? Я верю вам и люблю вас, когда вы говорите:

*Стеля стихов злаченые рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.*

Но когда вы через две строчки выражаете желание:

*Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну...*

не верю, честное слово... Милый Есенин, не хвастайте...»

И на самом деле Сергей Есенин оставался крестьянским сыном. Не высох родник его поэтического творчества, не нарушил он свое единство со всем живым на земле. Стихи по-прежнему звучат, как глубокий вздох, естественно и чисто:

*Я люблю родину.
Я очень люблю родину.*

Жизнь и поэзия Сергея Есенина — постоянный поиск нежной душой своего места в жизни. У каждого свой путь к истине. Есенин свой путь прошел «в сплошном дыму, в развороченном бурей быте», прошел по российской земле, «объятой вьюгой и пожаром». Сила поэзии Есенина в том, что он сумел понять, осмыслить философски и раскрыть художественно величайшее историческое значение Октябрьской революции. В 1918 году поэт пророчил будущее Человечеству с «воздушными корабельщиками», которые будут «перекликаться с земли не только с близкими... спутниками, а со всем миром в его необъятности». Не став равнодушным и черствым, Есенин щедро дарил людям свою любовь, воспевая «шестую часть земли с названием кратким «Русь».

